

Генрих Али Баба

27 СМЕРТЕЙ

1 ФАЙЛ

0 ДОПУСК

1 ИСТИНА

НУЛЕВОЙ ПРОТОКОЛ

ZERO

ДОСТУП ОГРАНИЧЕН
УРОВЕНЬ ДОПУСКА: 0

УПРАВЛЕНИЕ
СТРАТЕГИЧЕСКОГО
АНАЛИЗА

ДОПУСК: 0

КОГДА СЛУЧАЙНОСТЕЙ СТАНОВИТСЯ СЛИШКОМ МНОГО,
КТО-ТО ПИШЕТ ПРОТОКОЛ. А КТО-ТО — **СТИРАЕТ** ЕГО.

18+

Генрих Апи Баба

Нулевой протокол

«Автор»

2026

Апи Баба Г.

Нулевой протокол / Г. Апи Баба — «Автор», 2026

Где-то в архиве хранится документ под грифом «Нулевой протокол» — распоряжение, которого, если верить официальным сводкам, никогда не существовало. Но каждый, кто подходит к разгадке слишком близко, узнаёт: стёртое из бумаг не стирается из последствий. Роман о людях, оказавшихся между документом и его исполнением — и о цене, которую платит тот, кто решает прочитать то, что должно было остаться нечитаемым.

© Апи Баба Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Аномалия	5
Глава 2. Последний рабочий день	10
Глава 3. Человек вне списка	22
Глава 4. Первый выстрел	35
Глава 5. Охотник	48
Глава 6. София	64
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Генрих Апи Баба Нулевой протокол

Глава 1. Аномалия

Дождь шёл третий день подряд — не грозовой, короткий, а тот вязкий, упрямый дождь, который висит над городом серой завесой и превращает вечерние огни в дрожащие пятна света. С тридцать второго этажа штаб-квартиры Управления стратегического анализа столица выглядела так, будто кто-то методично стирал её ластиком.

Маркус Хейл любил закономерности — и поэтому недолюбливал людей. Не то чтобы ненавидел. Просто за четырнадцать лет в аналитике он усвоил простую вещь: человек может солгать по тысяче причин — из страха, из жадности, из любви, а иногда вовсе без причины. Цифры были честнее. Если они складывались в рисунок, значит, за рисунком что-то стояло.

Сегодня они сложились в рисунок, которого не должно было существовать.

Он сидел перед шестью мониторами, скрестив руки на груди, пока по экранам ползли таблицы и графики. Зал давно опустел — только редкие островки света отмечали чужие рабочие станции. Часы на панели показывали 21:11.

В углу монитора мигнуло уведомление о новом сообщении. Маркус закрыл его не глядя: если письмо важное, отправитель напишет снова. Так работала его личная система фильтрации мира.

Двадцать семь человек. Двадцать семь смертей — за прошедший год, по всей стране, без единой видимой связи. Разные профессии, разные города, разный возраст. Сердечные приступы, автоаварии, несчастные случаи, пара самоубийств. На первый взгляд — обычная статистика. Именно это и раздражало: слишком обычная.

Он запустил корреляционный анализ заново. Полоска прогресса медленно ползла по экрану. За последние двое суток он почти не спал. Всё началось с рутинной сверки архивов — а потом система выдала одно странное совпадение. Потом ещё одно. Потом третье. Хороший аналитик перестаёт верить в случайность на третьем совпадении. На двадцать седьмом — он начинает нервничать.

На соседнем столе завибрировал телефон. Мать. Маркус посмотрел на экран три секунды, ровно столько, сколько нужно, чтобы почувствовать укол вины и сразу же его заглушить, и перевёл вызов на голосовую почту. Позвонит завтра. Если не забудет.

Расчёт закончился. Результат не изменился. Маркус выругался вполголоса, перепроверил исходные данные — раз, другой, третий. Ошибка не исчезала. Сидела в таблице, как трещина в стекле.

— Ты вообще уходишь домой?

Голос прозвучал совсем рядом. Клэр Морган стояла у его стола с тонкой папкой в одной руке и бумажным стаканчиком в другой — высокая, собранная, с тёмными волосами, убранными в простой хвост. В отличие от половины управления, она ни в десять вечера, ни после суток на ногах не выглядела так, будто её только что переехал грузовик.

— Работаю, — сказал он.

— Это не ответ.

— Тогда нет, не уйду.

— Уже честнее. — Она поставила стаканчик рядом с клавиатурой. — Ты выглядишь ужасно, кстати.

— Спасибо.

— Обращайся.

Кофе оказался неожиданно приличным. Клэр придвинула свободный стул — плохой знак: сажалась она только тогда, когда собиралась вникать.

— Что у тебя?

Он молча развернул монитор. Она изучала таблицу дольше минуты, потом выпрямилась резко, будто её толкнули в спину.

— Это те архивные смерти, про которые ты вчера бурчал?

— Они самые.

— Нашёл связь?

— Нашёл проблему. Двадцать семь человек умерли в течение сорока восьми часов после одного и того же события.

Клэр помолчала, ещё раз сверяя даты, будто надеялась, что они передумают.

— Так не бывает.

— Согласен. Вопрос в том, что это было за событие.

Он переключил экран. Служебный файл без описания, без категории, без автора. Только имя: ZERO.

— Что это? — спросила она.

— Понятия не имею. Проверил — такого внутреннего кода не существует.

— Ты показывал руководству?

— Пока нет. Мне нравится иметь ответы раньше, чем начальство успевает задать вопросы.

Клэр усмехнулась одним уголком рта.

— Однажды это тебя убьёт.

— Не исключаю.

Дождь барабанил по стеклу. Где-то внизу проехала скорая, на секунду окрасив соседний фасад красным и синим. Клэр закрыла папку.

— Кстати. Тебя искал Рид.

— Джонатан Рид? У нас что, появился второй зам директора?

Это было странно само по себе: Рид почти не общался с аналитиками напрямую, тем более с нижних этажей структуры.

— Чего хотел?

— Не сказал. Часа два назад заходил.

Она посмотрела на него внимательнее, чем требовал вопрос.

— Опять это лицо.

— Какое лицо?

— Лицо человека, который только что нашёл себе ещё одну причину не спать ночью.

Клэр поднялась.

— Если найдёшь что-то по-настоящему странное — будь осторожен.

— Ты хоть понимаешь, насколько жутко это звучит?

— Понимаю. Поэтому и говорю.

Она ушла. Маркус проводил её взглядом и вернулся к экрану. ZERO. Один файл, двадцать семь смертей и заместитель директора, который вдруг заинтересовался его работой. Совпадений становилось многовато для одного вечера.

Он открыл внутренний архив, вбил название файла. Система думала несколько секунд. Совпадение найдено: 1. Он кликнул по записи.

ДОСТУП ОГРАНИЧЕН.

Маркус моргнул. Его уровень допуска позволял смотреть почти любые аналитические материалы, особенно старые. Он попробовал снова — тот же результат — и открыл журнал обращений: иногда лог рассказывает больше самого документа.

Последний доступ к файлу — восемь минут назад. Это само по себе не тревожило. Тревожило имя пользователя в графе идентификатора.

NULL.

Такого пользователя не существовало и не могло существовать — Маркус слишком хорошо знал архитектуру системы. NULL был технической заглушкой, а не логином человека. Он обновил страницу. Запись не исчезла. Обновил снова. NULL. Последний доступ. 21:18.

Кто-то только что открыл файл, которого система не могла объяснить.

Всплыло новое уведомление: **ВНИМАНИЕ. ОБНАРУЖЕН УДАЛЁННЫЙ ДОСТУП К ВАШЕЙ РАБОЧЕЙ СТАНЦИИ.** Маркус тут же открыл журнал сетевой активности — источник уже исчез, будто его и не было. Уведомление осталось.

Он поднял взгляд на пустой зал: тихий гул кондиционеров, ряды спящих мониторов, ни души. И всё равно не мог отделаться от ощущения, что уже не он изучает данные. Что-то начало изучать его.

21:34.

Впервые за вечер захотелось просто уйти домой. Он сохранил журналы доступа на внешний носитель — прежде чем закрыть систему, а не после: старая привычка. Слишком часто в его практике данные исчезали именно в тот момент, когда ими начинали интересоваться.

Мониторы гасли один за другим, и зал темнел вместе с ними. Маркус надел пиджак, взял сумку и пошёл к лифтам — шаги в пустом коридоре звучали неожиданно громко для человека, который весь вечер старался ничем не выделяться.

Пока лифт поднимался на его этаж, он проверил телефон. Два пропущенных от матери, письмо от мобильного оператора, уведомление от отдела кадров. Ничего важного — он уже почти убрал телефон, когда заметил новое сообщение во внутренней почте. Отправитель отсутствовал. Тема — одно слово: ZERO.

Письмо пришло четыре минуты назад. Он открыл его. Пусто. Ни текста, ни вложений, ни подписи — просто пустое поле, как дыра там, где должно было быть сообщение. Маркус сфотографировал экран и сохранил снимок в отдельную папку.

Лифт звякнул. Кабина оказалась пустой. Он нажал «1». Только когда двери закрылись, он заметил собственное отражение в зеркальной панели — сорок лет, тёмные волосы уже сдающие позиции на висках, усталое лицо человека, который слишком много времени проводит среди цифр и слишком мало среди людей. Клэр однажды сказала, что он похож на университетского преподавателя, которого по ошибке отправили работать в разведку. Complimentом это не звучало ни разу.

На двадцать шестом этаже лифт неожиданно остановился. Двери открылись на пустой коридор — тусклый свет, ни единого движения. Через пару секунд двери закрылись сами, и кабина продолжила спуск. В такое время здесь почти никто не работал. Маркус запомнил этаж — не потому, что придал этому значение, а потому что аналитик в нём запоминал всё.

Внизу его встретил охранник — пожилой, с седыми усами и вечной газетой в руках.

— Поздно сегодня, мистер Хейл.

— Бывает.

— Дождь всё не заканчивается.

— Видимо, ему нравится город.

Охранник фыркнул. Стекланные двери разъехались, и в лицо ударил холодный влажный воздух. Город жил своей обычной жизнью — такси, реклама на экранах, люди под зонтами. Ничего необычного. Тревога всё равно не проходила.

До метро было десять минут пешком — обычно любимый маршрут, помогавший очистить голову после работы. Сегодня не очищалось ничего. Мысли крутились вокруг одного и того же: ZERO, NULL, пустое письмо, чужой доступ к его станции. По отдельности каждый факт ещё можно было объяснить. Вместе они складывались в начало очень скверной истории.

На перекрёстке загорелся красный. Маркус остановился среди десятка прохожих и в витрине напротив заметил отражение улицы за спиной — тёмное пальто, чёрный зонт, средний рост. Таких людей вокруг были сотни. Но что-то заставило взгляд зацепиться именно за этого. Поток пешеходов двинулся вперёд, отражение смешалось с другими, и мужчина исчез.

Показалось, решил он и пошёл дальше. Спустился в метро, дождался поезда, встал у двери. Когда состав тронулся, он снова увидел ту же фигуру — теперь на платформе, неподвижную, с лицом, спрятанным в тени зонта. Поезд набрал скорость, платформа уплыла назад, а холодок между лопатками остался.

Совпадение, наверное. Но за годы работы Маркус научился одному: если внутренний голос шепчет, что что-то не так, стоит хотя бы проверить. Он вышел на две станции раньше своей — не потому, что была причина, а чтобы её найти.

Двери закрылись, поезд ушёл в тоннель. Маркус ждал на пустой платформе минуту, вторую. На противоположной стороне остановился следующий состав, и из него вышел мужчина в тёмном пальто. Тот самый. Сомнений больше не оставалось.

Он поднялся на поверхность, дождь встретил его с прежним упорством. Мужчина появился через полминуты — дистанцию держал безупречно, не приближаясь и не отставая. Профессионал: любитель давно бы выдал себя.

Следующие десять минут превратились в игру. Маркус несколько раз менял маршрут, застревал у витрин, переходил улицу без причины, возвращался тем же путём. Мужчина повторял каждое движение без единой ошибки — слишком грамотно для случайного прохожего, слишком спокойно для человека, который просто гуляет под дождём.

Наконец Маркус свернул в узкий переулок между двумя офисными зданиями — почти безлюдный, если не считать шума дождя, воды, стекающей по пожарным лестницам, и гула вентиляции где-то наверху. Он дошёл до середины и резко обернулся.

Никого.

Он выдохнул — и тут заметил движение на другом конце переулочка. Фигура под зонтом, неподвижная, будто ждала именно этого момента. Метров пятьдесят. Лица не разглядеть. Маркус сделал шаг вперёд. Фигура не шелохнулась.

Телефон зазвонил. Незнакомый номер. Он машинально ответил.

— Да?

Несколько секунд тишины в трубке. Потом спокойный мужской голос произнёс:

— Прекратите искать ZERO.

Связь оборвалась. Маркус поднял голову — фигура в конце переулочка исчезла, будто её там никогда и не было. Только дождь продолжал падать с тёмного неба.

Телефон завибрировал снова. Новое сообщение, без номера, без подписи: «Он уже знает, что вы открыли файл».

На этот раз это была не тревога. Это была уже настоящая опасность — и Маркус узнал разницу с первого взгляда.

Он несколько секунд смотрел на экран, пока дождь стекал за воротник. Такие анонимные предупреждения обычно выглядят по-детски театрально — как дешёвый триллер. Но сегодня вечером слишком многое происходило вопреки тому, как всё должно было происходить.

Он проверил сведения о сообщении — ни номера отправителя, ни маршрута передачи, будто текст возник внутри телефона сам по себе. Сфотографировал экран дважды и отправил снимки в зашифрованное облако. Старая привычка: если кто-то захочет стереть информацию, пусть попробует сделать это одновременно в пяти местах.

Телефон завибрировал в третий раз — на этот раз входящий вызов. Джонатан Рид.

Совпадение выглядело слишком своевременным, чтобы быть совпадением. Маркус ответил.

— Слушаю.

Голос Рида звучал спокойно. Слишком спокойно.

— Мистер Хейл. Рад, что дозвонился.

— Почти одиннадцать вечера.

— Именно поэтому и звоню.

Маркус медленно пошёл по переулку.

— Чем обязан такому вниманию?

— Хотел поговорить о вашей работе. Точнее — о том, чем вы занимались сегодня.

Он остановился. В трубке было слышно только ровное дыхание Рида — не пауза для эффекта, а пауза человека, который уже знает ответ и ждёт, скажет ли собеседник правду.

— Не уверен, что понимаю, о чём вы.

— Понимаете. Завтра утром, в девять. Зайдите ко мне.

— По какому вопросу?

— Думаю, обсудить это будет проще лично.

Связь оборвалась — без прощания, без объяснений. Маркус опустил телефон. Сердце билось на удивление ровно, и это само по себе было плохим знаком: когда становится по-настоящему опасно, эмоции первыми уходят на второй план, оставляя место одному анализу.

Рид знает о расследовании. Кто-то следил за его рабочей станцией. Кто-то присылает предупреждения. Кто-то ведёт наружное наблюдение. И всё это — в границах одного вечера. Слишком быстро. Слишком организованно для случайной цепочки событий.

Дома — небольшая двухкомнатная квартира на двенадцатом этаже, минимум мебели, максимум книг, ни одной фотографии на стенах — он первым делом включил ноутбук, подключил внешний накопитель и снова открыл сохранённые журналы. NULL. Последний доступ. 21:18.

Он уже собирался закрыть файл, когда заметил внизу лога строчку, которой раньше не было. Он был уверен на сто процентов.

ZERO//ACTIVE

Холод прошёл вдоль позвоночника. Маркус открыл резервную копию файла — строка исчезла. Вернулся к оригиналу — она снова была на месте. Будто кто-то специально хотел, чтобы её заметили. Или, наоборот, не заметили — до последнего момента.

Он потянулся к клавиатуре. Свет в квартире мигнул раз, другой — и погас окончательно. Комната провалилась в темноту, за окном по-прежнему шёл дождь, а соседние дома продолжали светиться: значит, отключили только его этаж.

Он медленно поднял голову к окну. На крыше здания напротив стоял человек — чёрный силуэт на фоне дождя, неподвижный, наблюдающий.

Экран ноутбука вспыхнул сам собой. Белые буквы на чёрном фоне сложились в одну строку:

МЫ ВИДИМ ТЕБЯ, МАРКУС.

И только тогда он понял: история файла ZERO началась задолго до этого вечера. И, возможно, всё это время наблюдали именно за ним.

Глава 2. Последний рабочий день

Будильник зазвонил в 06:30. Маркус проснулся мгновенно — не потому, что выспался, а потому, что за ночь просыпался четыре раза, каждый раз уверенный, что кто-то стоит в квартире, и каждый раз находил только тишину. К утру дождь наконец прекратился; между облаками впервые за несколько дней проступили просветы. Он лежал на спине и смотрел в потолок, думая не о погоде.

На кухонном столе так и стоял ноутбук — с экраном, на котором вчера вспыхнула фраза «МЫ ВИДИМ ТЕБЯ, МАРКУС». Рациональная часть сознания уже успела заготовить объяснения: взлом, психологическое давление, внутренняя проверка, чья-то идиотская шутка. Ни одно не отвечало на главный вопрос — зачем.

Он подошёл к окну. Крыша здания напротив была пустой. Никаких силуэтов, будто вчерашнего вечера никогда не было.

Через сорок минут Маркус входил в штаб-квартиру Управления стратегического анализа — стекло, сталь, полированный камень, обычное утро. Но иногда хватает одной детали, чтобы привычный мир начал трещать. Сегодня такой деталью оказался охранник на входе — тот самый седой мужчина, с которым он разговаривал накануне вечером. Увидев Маркуса, охранник на секунду растерялся, будто увидел призрака.

— Доброе утро, — сказал Маркус.

— Доброе... — Пауза. — Утро.

Странная реакция. Маркус приложил пропуск к турникету. Загорелся красный. Попробовал снова — тот же результат.

— Секунду, — охранник открыл служебную программу, несколько секунд смотрел в экран, потом поднял взгляд — теперь ещё более растерянный.

— Проблемы с пропуском?

— Похоже на то.

— Здесь написано... — Он осёкся.

— Что написано?

— Что ваша учётная запись деактивирована.

Холод в груди возник мгновенно.

— По какой причине?

— Не знаю. Проверю ещё раз.

Результат не изменился. За спиной Маркуса выросла очередь — кто-то нетерпеливо кашлянул, кто-то посмотрел на часы. Обычное утро продолжало жить своей жизнью, только мир Маркуса начал едва заметно смещаться с оси.

— Позвоните в отдел кадров.

Охранник кивнул. Через минуту телефон был у уха; ещё через минуту его лицо стало совершенно белым. Он медленно положил трубку и посмотрел на Маркуса так, словно видел его впервые.

— Мистер Хейл... отдел кадров сообщил, что вы больше не работаете в Управлении.

— Это какая-то ошибка.

— Возможно. Они сказали... — он запнулся, — что ваше дело закрыто.

Закрыто. Не уволен, не переведён, не отправлен в отпуск — закрыто. Слово из чужого словаря: не кадрового, служебного. И где-то глубоко внутри шевельнулось ощущение, что вчерашний вечер только что сделал первый ход, а партия ещё даже не началась.

Маркус медленно выдохнул. Паника бесполезна, страх — тоже; за годы работы он усвоил простую вещь: если ситуация выходит из-под контроля, сначала нужно понять, что именно изменилось.

— Кто принял решение?

— У меня нет такой информации.

— Тогда дайте пройти к Риду.

— Не могу. Пропуск аннулирован.

— Я работаю здесь четырнадцать лет.

— Простите. — Мужчина выглядел искренне несчастным, и Маркус его понимал: тот оказался между приказом и человеком, которого видел почти каждый день, и выбрал приказ — как поступило бы большинство.

— Позвоните Риду.

— Уже звонили.

— И?

Молчание оказалось красноречивее любого ответа.

— Он отказался говорить со мной?

Охранник опустил глаза. Этого хватило.

— Понятно, — Маркус развернулся к выходу. Турникеты за спиной снова заработали; сотрудники проходили мимо, не глядя на него, будто он уже исчез.

На улице он набрал Клэр. Гудок, второй, третий.

— Доброе утро, — ответила она.

— Не уверен, что оно доброе.

Настороженность в её голосе появилась мгновенно.

— Что случилось?

— Меня только что уволили.

— Что?

— Именно так я и отреагировал.

— погоди, ты серьёзно?

— Абсолютно.

— Где ты?

— Перед главным входом.

Она замолчала на пару секунд.

— Не уходи.

— Почему?

— Просто не уходи. — Голос изменился, стал голосом человека, который увидел что-то опасное. — Я спущусь через пять минут.

Связь оборвалась. Клэр никогда не бросала трубку — никогда. Маркус посмотрел на окна штаб-квартиры: тридцать два этажа стекла, сотни сотрудников, тысячи компьютеров, одна из самых защищённых структур страны — и где-то внутри единственный знакомый ему человек, который, похоже, понимал происходящее чуть лучше него.

Прошло три минуты, потом четыре. На пятой минуте двери открылись — но вышла не Клэр. Из здания появился Джонатан Рид, безупречный, как всегда: тёмный костюм, серебряный галстук, спокойное лицо человека, привыкшего контролировать ситуацию. Он заметил Маркуса сразу и пошёл прямо к нему, остановившись в нескольких шагах.

— Доброе утро, Маркус.

— Смотря для кого.

— Понимаю.

— Сомневаюсь.

Рид вздохнул.

— Нам нужно поговорить.

— Вчера вы тоже так говорили.

— Именно поэтому я здесь.

Маркус скрестил руки.

— Почему меня заблокировали?

— Временная мера. Проводится внутренняя проверка.

— Какая?

— Не могу сказать.

— Не хотите или не можете?

— И то, и другое.

Раздражение поднялось быстро.

— Тогда разговор получается коротким.

Рид посмотрел ему прямо в глаза.

— Ты занимался архивом ZERO?

Первый прямой вопрос — без подготовки, без манёвров. Маркус отметил это сразу: Рид не просто знает о файле, файл важен настолько, что заместитель директора лично вышел на улицу.

— А если занимался?

— Тогда прекрати.

— Простите?

— Оставь это расследование.

— На каком основании?

— На том, что это мой совет.

— Или приказ?

— Уже не приказ.

Ответ прозвучал странно — настолько, что Маркус заметил, как Рид на долю секунды отвлёк взгляд ко входу в здание, будто проверял время или ждал кого-то.

— Вы боитесь этого файла?

— Нет.

— Тогда почему пытаетесь меня остановить?

Рид долго молчал.

— Потому что вчера вечером ты сделал ошибку.

— Какую?

— Ты позволил себя заметить.

Слова прозвучали настолько неожиданно, что ответ нашёлся не сразу.

— Кем?

Рид покачал головой.

— Не задавай этот вопрос.

— Почему?

— Потому что тебе не понравится ответ.

Двери здания снова открылись. На улицу выбежала Клэр — слишком быстро, с лицом человека, который только что узнал что-то крайне неприятное.

— Маркус!

Рид резко обернулся — и впервые за весь разговор потерял самообладание. Всего на секунду. Но Маркус это увидел.

Клэр подбежала, держа в руках планшет.

— Нам нужно уходить.

— Что?

— Сейчас.

— Клэр...

— Сейчас!

Он никогда не видел её такой — тяжёлое дыхание, широко раскрытые глаза, и это пугало сильнее любых слов.

— Что произошло?

Она посмотрела сначала на него, потом на Рида, потом снова на него.

— Твоё личное дело исчезло. Полностью.

— Это невозможно.

— Я тоже так думала. — Она подняла планшет. — Тогда проверила резервные архивы.

— И?

Клэр сглотнула.

— Маркус. Согласно системе, ты умер вчера вечером.

Мир на мгновение остановился — шум машин, голоса прохожих, ветер, всё исчезло, осталась только эта фраза. Маркус медленно повернулся к Риду. Тот больше не выглядел удивлённым. И это было хуже всего.

— Вы знали? — тихо спросил он.

Рид молчал.

— Вы знали?

— Вам нужно немедленно уйти отсюда.

— Ответьте на вопрос.

— Уже поздно для вопросов.

Клэр схватила его за рукав.

— Маркус. Нам нужно уходить. Сейчас же.

Он хотел возразить, хотел заставить Рида говорить — но именно в этот момент в отражении витрины напротив заметил мужчину. Тёмное пальто, чёрный зонт. Тот самый наблюдатель из метро. Он стоял через дорогу и смотрел прямо на них. Потом медленно поднял руку к уху, будто нажал кнопку гарнитуры, и что-то произнёс.

Лицо Рида мгновенно изменилось.

— Бегите, — сказал он.

Последнее слово, которое Маркус ожидал услышать.

— Что?

— Бегите!

В следующую секунду где-то наверху ослепительно вспыхнуло стекло, и Клэр закричала:

— Снайпер!

Мир взорвался движением. Рид толкнул Маркуса в сторону — инстинктивно, без раздумий, как человек, слишком хорошо знающий, что будет дальше. Грохот раздался мгновением позже: не киношный выстрел, короткий резкий удар. Витрина позади разлетелась тысячами осколков. Кто-то на тротуаре упал, кто-то бросился бежать, кто-то замер от шока.

Клэр врезалась в него плечом.

— Двигайся!

Они рванули к углу здания. Второй выстрел ударил в стойку автобусной остановки — фонтан искр, крики стали громче. Улица за секунды превратилась в хаос.

Рид остался на месте — и это удивило Маркуса больше всего. Вместо того чтобы искать укрытие, заместитель директора смотрел на крыши, будто вычислял позицию стрелка.

— В машину! — крикнула Клэр.

Через дорогу стояло такси; водитель уже выскочил и прятался за открытой дверью. Третий выстрел ударил в асфальт возле их ног — слишком близко, чтобы оставались сомнения: стреляли именно в них.

Они почти достигли машины, когда позади раздался крик.

— НЕ ДОМОЙ! — прокричал Рид.

Это были его последние слова. В следующую секунду рядом с ним затормозил чёрный внедорожник, двери распахнулись, наружу выскочили несколько человек в тёмном — слишком быстро, слишком слаженно для случайных прохожих. Один схватил Рида за руку, второй прикрывал улицу, третий держал оружие наготове. Через мгновение внедорожник сорвался с места вместе с ним.

— Чёрт! — выдохнул Маркус.

— Забудь о нём! Бежим!

Они запрыгнули в такси. Водитель посмотрел на них как на сумасшедших.

— Что происходит?!

— Поезжай! — рявкнула Клэр.

— Куда?

— Просто поезжай!

Мужчина не стал спорить. Колёса взвизгнули, машина рванула вперёд. Несколько секунд слышно было только дыхание и шум города за окнами. Маркус обернулся: чёрного внедорожника уже не было видно, как и стрелка — будто всё случившееся растворилось в потоке машин. Но позади всё ещё были сирены.

— Кто это был? — спросил он.

— Не знаю.

— Врёшь.

Клэр смотрела в окно.

— Не знаю наверняка.

— Но догадываешься.

Она промолчала — это и был ответ. Маркус чувствовал, как внутри поднимается холодная ярость: за последние двадцать минут он узнал, что официально уволен, потом — что официально мёртв, а теперь в него стреляли среди белого дня у здания собственной службы, и никто не потрудился объяснить почему.

— Клэр. Рассказывай всё.

Она выдохнула.

— Сегодня утром я полезла в резервные архивы, потому что твоя блокировка выглядела подозрительно.

— И что нашла?

— Сначала ничего. Потом — отсутствие информации. Кто-то удалил твоё дело из основной системы.

— Такое возможно?

— Нет. Но это произошло.

Такси свернуло на мост; за окном мелькнула река в утреннем тумане.

— Потом я проверила резервный контур. Там уже была запись о смерти.

Желудок неприятно сжался — даже сейчас эта фраза звучала абсурдно.

— Причина?

— Несчастный случай. Время смерти — двадцать два сорок семь.

Маркус замер: именно в это время он ехал домой с работы.

— Кто подписал документ?

— Вот тут интересно. Подпись отсутствовала. Вместо имени — одно слово.

Он уже знал ответ раньше, чем она его произнесла.

— ZERO?

Клэр молча кивнула. Водитель нервно поглядывал в зеркало заднего вида — очевидно, ему хотелось высадить странных пассажиров, но ещё больше хотелось держаться подальше от людей, в которых стреляют снайперы.

Телефон Маркуса завибрировал. Оба уставились на экран. Неизвестный номер.

— Не отвечай, — сказала Клэр.

Он ответил. В трубке — шум, затем тот же спокойный мужской голос, лишённый эмоций:

— Вы опаздываете.

Связь оборвалась.

— Кажется, я начинаю ненавидеть этот голос.

— Что он сказал?

— Что мы опаздываем.

— Куда?

— Хороший вопрос.

Водитель выругался.

— Что ещё?

Он показал в зеркало. Позади появился чёрный седан. Потом второй. Потом третий — все на одинаковой, слишком аккуратной дистанции.

Клэр тихо и очень серьёзно выругалась.

— Теперь знаю, куда мы опаздываем.

Внутри у Маркуса всё окончательно встало на свои места. Кто-то не просто хотел его напугать или остановить расследование — кто-то начал настоящую охоту. А значит, файл ZERO оказался опаснее, чем они предполагали вчера вечером. Игра только начиналась.

Клэр не отрывала взгляда от зеркала. Три чёрных автомобиля держались позади, не приближаясь и не отставая — просто сопровождали. Это выглядело хуже открытой атаки: профессионалы не спешат, они знают, что время работает на них.

— Ты знаешь этих людей?

— Нет.

— Врёшь уже второй раз за утро.

— Потому что ты задаёшь вопросы, ответы на которые мне не нравятся.

Такси съехало с моста, поток машин стал плотнее.

— Может, вызвать полицию? — предложил водитель.

Клэр и Маркус одновременно посмотрели на него.

— Понял. Глупая идея.

— Очень, — согласилась Клэр.

Телефон снова завибрировал — сообщение без номера, без маршрута, без подписи. Только координаты и время. 11:00.

— Что это? — спросила Клэр.

Он показал экран. Она побледнела — совсем немного, но он заметил.

— Ты знаешь это место.

Не вопрос — утверждение.

— Старый архивный центр. Один из объектов Управления. Формально закрыт восемь лет назад.

— Формально?

— Да.

— Клэр, сколько ещё существует вещей, которые «формально закрыты»?

— Намного больше, чем тебе хотелось бы узнать.

Честный ответ — и от этого только хуже. Телефон завибрировал снова. Новый текст: «Если хотите узнать, кто вас похоронил, приезжайте одни».

Маркус перечитал фразу дважды и передал телефон Клэр. Она выругалась — тихо и очень профессионально, так ругаются люди, которые действительно напуганы.

— Это ловушка.

— Согласен.

— Тогда почему ты уже решил туда ехать?

— Потому что ты тоже решила.

Они посмотрели друг на друга. Клэр первой отвернулась к окну.

— Ненавижу, когда ты прав.

— Поэтому мы до сих пор друзья.

— Это единственная причина.

Такси резко свернуло вправо — водитель пытался оторваться от хвоста. Безуспешно: три машины повторили манёвр, будто были связаны невидимой нитью. Маркус снова оглянулся назад — и заметил четвёртую машину. Серебристый седан, далеко позади преследователей, державшийся отдельно.

— Клэр. Посмотри.

Она взглянула в зеркало, и лицо её изменилось.

— Интересно.

— Ты их знаешь?

— Нет. Но они следят за теми, кто следит за нами.

— Это должно меня успокоить?

— Наоборот. Это значит, что появилась вторая сторона.

Такси остановилось на красном. Телефон Клэр зазвонил — она посмотрела на экран и замерла. Джонатан Рид.

Они переглянулись.

— Его же похитили.

— Да.

Она ответила.

— Джонатан?

Несколько секунд тишины, потом голос Рида — тяжёлый, будто он говорил через боль.

— Слушайте внимательно.

— Где вы?

— Не перебивайте. У вас максимум два часа. Пока они не поймут, что архив открыт.

— Какой архив?

— Архив Нулевого протокола.

Название прозвучало впервые полностью — не ZERO, не намёк, не код. Нулевой протокол.

— Что это такое?

Короткий смешок на другом конце — безрадостный, уставший.

— Если бы я знал ответ, нас бы сейчас не убивали.

Связь оборвалась. На этот раз окончательно — ни сигнала, ни шума, ничего. За окнами продолжал жить своей жизнью город: люди шли на работу, пили кофе, спешили на встречи, не подозревая, что где-то совсем рядом раскручивается история, способная разрушить карьеры, правительства и целые спецслужбы.

Маркус смотрел на погасший экран. В голове складывалась новая картина. Вчера он был аналитиком. Сегодня — официально мёртв. За ним охотятся неизвестные. Рид похищен. А где-то существует архив, ради которого люди готовы убивать среди белого дня. И хуже всего было ощущение, что всё это началось не вчера и не неделю назад — возможно, даже не год назад. Кто-то строил операцию очень долго, очень тщательно, и только сейчас он случайно наступил на провод, спрятанный под землёй.

— Мы едем в архив? — спросила Клэр.

Он посмотрел на координаты, потом на машины позади, потом на серый город за окном.

— Да.

— Почему?

— Потому что кто-то очень не хочет, чтобы мы туда добрались.

Такси проехало перекрёсток. Дождь начался снова — мелкий, почти невидимый. Серебристый седан всё ещё держался далеко позади, три чёрных автомобиля не отставали.

Клэр достала планшет и быстро печатала что-то на виртуальной клавиатуре.

— Что делаешь?

— Пытаюсь выяснить, кто прислал координаты.

— Получается?

— Нет. И это хорошо: если бы получилось, я начала бы нервничать ещё сильнее.

Она невольно усмехнулась — первая улыбка за всё утро, исчезнувшая так же быстро. На экране планшета вспыхнуло предупреждение: **НЕСАНКЦИОНИРОВАННОЕ ОБРАЩЕНИЕ. ДОСТУП ЗАБЛОКИРОВАН.**

Клэр выругалась.

— Теперь кто-то знает, что я ищу архив.

— А раньше не знал?

— Раньше знал, что ищешь ты. Разница огромная.

Такси свернуло на промышленную окраину. Небоскрёбы остались позади; появились склады, контейнерные терминалы, заброшенные фабрики, ржавые трубы — бетон, очень много бетона. Место выглядело так, будто цивилизация однажды пришла сюда и передумала оставаться.

— Ещё далеко? — спросил водитель.

— Три минуты.

— Отлично.

— По голосу не скажешь.

— В меня ещё никогда не стреляли по дороге на работу.

— Поздравляю с новым опытом.

— Спасибо.

— Не за что.

Маркус посмотрел в зеркало. Чёрные машины начали сокращать дистанцию — медленно, но уверенно. Теперь сомнений не оставалось: они больше не наблюдали, они готовились действовать.

— Нас догоняют.

— Вижу. Есть план?

— Пока нет.

— Обнадёживает.

— Обычно планы появляются за несколько секунд до катастрофы.

— Очень успокаивающая теория.

Впереди показалось здание — старый архивный центр. Когда-то здесь, вероятно, располагался крупный государственный объект; теперь комплекс выглядел мёртвым: пять этажей серого бетона, заколоченные окна, ржавая ограда, полустёртая табличка, разбитые фонари и ни одного человека вокруг.

— Прекрасное место для засады, — заметил Маркус.

— Именно поэтому я уверена, что нас там ждут.

Такси остановилось у ворот.

— На этом всё, — заявил водитель.

— Разумное решение, — сказала Клэр.

Они вышли под дождь. Такси немедленно развернулось и исчезло — Маркус не мог винить водителя, на его месте он поступил бы так же. Чёрные автомобили показались на дальнем конце улицы — метров триста, не больше.

— Быстро, — сказала Клэр.

Внутренний двор был пуст, повсюду валялись обломки кирпича, ветер гонял мусор между зданиями. Главный вход стоял открытым — слишком открытым, Маркус отметил это сразу.

— После тебя.

— Как настоящий джентльмен.

— Нет. Как аналитик.

Клэр покачала головой и первой шагнула внутрь. Полутёмный вестибюль встретил их запахом пыли и такой тишиной, что слышны были собственные шаги. На стенах висели старые указатели с облезшими буквами; где-то капала вода.

— Ты уверена, что это архив?

— Была уверена минуту назад. Сейчас начинаю сомневаться.

Коридор уходил в глубину здания — пустые кабинеты, опрокинутые шкафы, разбитые мониторы, следы спешной эвакуации, будто люди однажды просто встали и ушли навсегда. В конце коридора обнаружилась массивная металлическая дверь — единственное место в здании, выглядевшее новым: современная сталь, электронный замок, свежие следы обслуживания.

— Вот и ответ.

На панели замка горел зелёный индикатор — система была активна, несмотря на то, что всё вокруг выглядело заброшенным.

— Кто-то пользуется этим местом.

— И совсем недавно.

Над дверью Маркус заметил камеру, объектив которой смотрел прямо на них.

— Нас уже видят.

— Думаю, нас видят с самого утра.

Он шагнул вперёд. Индикатор мигнул — красный, жёлтый, снова зелёный, тихий щелчок — и замок открылся сам. Они переглянулись, не произнося ни слова: оба подумали об одном и том же. Их ждали.

Дверь медленно поехала в сторону. Из темноты потянуло холодным воздухом; вниз, глубоко под землю, уходила лестница. На стене у входа тускло светилась надпись — не номер помещения, не предупреждение, всего два слова: **УРОВЕНЬ НОЛЬ**.

По спине Клэр пробежал холод.

— Маркус. Скажи, что ты думаешь о развороте и бегстве.

— Думаю.

— И?

Он посмотрел на лестницу, на тёмный провал, потом на приближающиеся за воротами чёрные автомобили.

— Боюсь, этот вариант уже отменили.

И в этот момент из глубины комплекса донёсся звук — одинокий выстрел, глухой, приглушённый толщей бетона. А следом — чей-то крик.

Клэр и Маркус одновременно замерли. Крик оборвался почти сразу, будто человеку заткнули рот — или он просто больше не мог кричать. Несколько секунд в подземном комплексе стояла абсолютная тишина. Потом снова послышались шаги: один человек, не группа, кто-то быстро поднимался по лестнице.

— Назад, — тихо сказала Клэр.

Они отступили от двери. В руке у неё уже был компактный пистолет — Маркус даже не заметил, когда она успела его достать.

— С каких пор ты носишь оружие на работу?

— С тех пор как начала работать на государство.

Шаги приближались — быстрее, быстрее. Из темноты вылетела фигура: мужчина лет пятидесяти, в дорогом костюме без галстука, лицо залито кровью, рукав разорван. Он буквально вывалился на площадку перед дверью, увидел их и резко остановился — в глазах вспыхнула смесь страха и надежды.

— Вы... — он тяжело дышал, — вы пришли.

— Кто вы такой? — спросила Клэр.

Он посмотрел сначала на неё, потом на Маркуса — и вдруг рассмеялся, нервно, почти истерично.

— Конечно. Конечно, это ты.

— Мы знакомы?

— Нет.

— Тогда откуда вы меня знаете?

Он открыл рот, но ответить не успел. Позади в глубине лестницы вспыхнула автоматная очередь, бетон взорвался фонтаном пыли, незнакомца отбросило назад. Он рухнул на колени; на груди мгновенно расплылось тёмное пятно.

Клэр открыла огонь первой — три быстрых выстрела вниз по лестнице — и схватила Маркуса за плечо.

— Бежим!

— Он жив!

— Уже нет!

Новый шквал пуль ударил по металлической двери. Этого хватило. Они бросились обратно по коридору; позади эхом гремели выстрелы — короткие, контролируемые, так стреляют люди, которые привыкли убивать.

— Кто это?! — крикнул Маркус на бегу.

— Если бы я знала, утро было бы намного проще!

Они выскочили во внутренний двор — и сразу поняли, что стало только хуже. Чёрные автомобили уже въезжали через ворота: три машины, шесть человек, вооружены, организованы, спокойны, будто выполняют рутинную работу.

— Великолепно, — выдохнул Маркус.

— У тебя странное понимание великолепия.

— Работаю над этим.

Они свернули за старый склад. Пули начали выбивать куски бетона из стены — но противник действовал грамотно, не пытаясь убить их мгновенно: зажимал, отрезал пути отхода, гнал в нужном направлении. Именно это насторожило Клэр.

— Стой.

— Сейчас не лучшее время.

— Маркус! Они нас не убивают.

— По мне стреляют!

— Да. Но специально мимо.

Он замер — и понял, что она права. Все попадания были рядом, слишком рядом; профессионалы такого уровня не промахиваются случайно.

— Им нужен я.

— Нам нужен ты. Они хотят взять тебя живым.

— Почему?

Она посмотрела ему в глаза.

— Потому что ты что-то открыл. Или можешь открыть.

Над двором раздался звук двигателя — не автомобильного, тяжелее. Оба подняли головы: над комплексом появился чёрный вертолёт без опознавательных знаков.

— Только этого не хватало, — прошептал Маркус.

Но случилось нечто странное: вертолёт открыл огонь — не по ним, а по людям из чёрных автомобилей. Двор мгновенно превратился в хаос: нападавшие бросились искать укрытие, крики, выстрелы, разлетающееся стекло.

— Что происходит?

— Появилась третья сторона.

— Уже третья?

— Я начинаю сбиваться со счёта.

Вертолёт завис над зданием. Из динамика раздался голос — женский, спокойный, уверенный.

— Маркус Хейл.

Они одновременно подняли головы.

— Если хотите жить, немедленно поднимайтесь на крышу. Повторяю. На крышу. Сейчас.

Маркус почувствовал, как внутри всё сжалось: впервые за день кто-то назвал его по имени так, будто давно ждал этой встречи. А потом голос произнёс фразу, от которой кровь застыла в жилах:

— Ваш отец погиб из-за Нулевого протокола. И мы можем это доказать.

На секунду мир исчез — пули, вертолёт, крики, всё стало неважным. Отец Маркуса умер двадцать лет назад, и официальное расследование давно признало его смерть несчастным случаем. Только что кто-то заявил, что это была ложь. И впервые за всё утро Маркус понял: история ZERO может быть связана с ним гораздо глубже, чем он предполагал. Очень глубоко. С самого начала.

Пули продолжали рвать бетон. Вертолёт завис над комплексом, как хищная птица, лопасти били по воздуху так, что во дворе закручивались вихри пыли и мусора.

— На крышу! — крикнул женский голос.

Клэр первой сорвалась с места, Маркус побежал следом. Позади снова загремели выстрелы — теперь стреляли уже обе стороны. Весь комплекс превратился в поле боя. Они ворвались обратно в здание, пробежали через коридор — мимо металлической двери с надписью «УРОВЕНЬ НОЛЬ», мимо лестничных пролётов, вверх, ещё выше. Старое здание дрожало от выстрелов, где-то осыпалась штукатурка, трескали окна. На четвёртом этаже Маркус начал задыхаться, на пятом Клэр тоже дышала тяжело — но никто не замедлялся: оба понимали, что второй попытки не будет.

Наконец — дверь на крышу. Заперта. Клэр выругалась, достала пистолет, два выстрела — замок разлетелся.

Они выскочили наружу. Ветер ударил в лицо. Вертолёт уже снижался — чёрная машина без опознавательных знаков, боковая дверь открыта. В проёме стояла женщина: светлые волосы собраны назад, тёмная лётная куртка, холодный внимательный взгляд. Она держалась спокойно — слишком спокойно для человека в центре перестрелки.

— Маркус Хейл? — крикнула она.

— Кто спрашивает?

— София Блейк.

— Никогда не слышал.

— Отлично. Значит, легенда работает.

— Очень смешно.

— Обычно люди смеются позже.

Она протянула руку.

— Если хотите жить — заходите.

Снизу снова ударили выстрелы. Решение заняло меньше секунды: Маркус схватился за поручень, Клэр запрыгнула первой, следом он. Через мгновение вертолёт начал набирать

высоту; крыша ушла вниз, комплекс стремительно уменьшался, а люди, которые только что пытались их убить, превратились в маленькие фигурки.

Несколько минут никто не говорил, только гудел двигатель. София внимательно изучала Маркуса, будто сверяла его с каким-то образом в памяти. Наконец кивнула сама себе.

— Да. Это точно он.

— Простите?

— Ничего.

Она открыла металлический кейс возле сиденья, достала тонкую серую папку и положила её Маркусу на колени.

— Начните отсюда.

На обложке значилось: ОПЕРАЦИЯ «НУЛЕВОЙ ПРОТОКОЛ». СТАТУС: ЗАКРЫТО. ДАТА: 20 ЛЕТ НАЗАД.

Он несколько секунд смотрел на буквы, потом открыл первую страницу. Фотография — группа людей у какого-то исследовательского объекта, старый снимок, пожелтевший от времени. Маркус сразу узнал одного человека — своего отца. Майкл Хейл. Это лицо он видел тысячи раз: на семейных снимках, на видеозаписях, в собственной памяти. Рядом стояли другие — молодой Ричард Кейн, молодой Джонатан Рид, несколько незнакомцев.

София наблюдала за его реакцией.

— Узнаёте кого-нибудь?

— Отца. Кейна. Рида.

— Хорошо.

Он уже собирался перевернуть страницу, когда что-то заставило его остановиться. Он медленно поднёс фотографию ближе. Сердце пропустило удар, потом ещё один.

Клэр наклонилась через плечо.

— Что случилось?

Маркус не ответил — он смотрел на последнего человека в группе, стоящего рядом с отцом. Высокий. Тёмные волосы. Серые глаза. То же лицо. Тот же взгляд. Те же черты — ни малейшего сходства, полное совпадение. Это был он. Маркус Хейл, таким, каким выглядел сегодня.

Клэр побледнела.

— Это невозможно...

София ничего не сказала — будто ждала именно этой реакции. Маркус перевёл взгляд на дату снимка, проверил ещё раз, ещё. Дата не менялась: двадцать лет назад.

— Что это? — тихо спросил он.

София посмотрела в иллюминатор, на город далеко внизу, потом снова на него — и впервые в её голосе прозвучала настоящая серьёзность.

— Это, Маркус, и есть причина, по которой тебя сегодня объявили мёртвым.

Он снова посмотрел на фотографию — на человека со своим лицом, на дату, на отца, на название операции. И впервые за весь день понял: он столкнулся не просто с заговором внутри спецслужб. Он столкнулся с чем-то, что вообще не должно было существовать.

Глава 3. Человек вне списка

Вертолёт шёл на север. Город остался позади, под ними тянулись серые промышленные районы, складские терминалы, редкие островки жилых кварталов. Маркус почти не смотрел в иллюминатор — снова и снова возвращался к фотографии, лежавшей на коленях. Небольшой прямоугольник бумаги, несколько человек, обычный архивный снимок — если не считать одной детали. Его самого. Десять минут он искал признаки монтажа, ошибки перспективы, несовпадение теней — любую мелочь, которая объяснила бы невозможное. Ничего. Снимок выглядел абсолютно настоящим.

— Бесполезно, — сказала София, сидевшая напротив.

— Что бесполезно?

— Искать следы подделки. Их нет.

— Вы эксперт по фотографии?

— Нет. Но я проверяла её шесть раз за последние семь лет.

В кабине стало тихо.

— Семь лет? — переспросила Клэр. — Вы знали о нём семь лет и ничего не предпринимали?

— Напротив. Я очень много предпринимала.

Маркус закрыл папку.

— Начнём сначала. Кто вы такая?

София едва заметно улыбнулась — будто ждала именно этого вопроса — и протянула руку.

— София Блейк. Бывший оперативный аналитик Отдела специальных программ.

— Бывший?

— Отдел ликвидировали. Официально он никогда не существовал, а реально — девять лет назад.

Маркус устало потёр переносицу. История приобретала знакомые очертания: секретная программа, несуществующее подразделение, уничтоженные архивы, люди без биографии. В мире спецслужб такое случалось чаще, чем хотелось бы гражданам. Но фотография всё равно оставалась невозможной.

— Хорошо. Допустим, вы настоящая, папка настоящая — тогда объясните вот это. — Он поднял снимок.

— Не могу. Потому что сама не знаю ответа.

Это была первая по-настоящему искренняя фраза, которую он от неё услышал, и именно поэтому он ей поверил.

— Тогда что вы знаете?

София помолчала, словно выбирая, с чего начать.

— Ваш отец не погиб в автомобильной аварии. Его убили.

Что-то внутри у Маркуса напряглось — тема оставалась болезненной даже спустя двадцать лет, но взгляда он не отвёл.

— Кем?

— Не знаем. Через шесть часов после его смерти исчезли все материалы расследования — фотографии, протоколы, свидетельства, видеозаписи, даже тела двух агентов сопровождения.

— Каких агентов? Мне говорили, что отец ехал один.

— Вам много чего говорили.

Вертолёт трянуло воздушным потоком. Несколько секунд был слышен только гул двигателя. Потом София открыла папку, нашла нужную страницу и передала документ Маркусу. Он пробежал текст глазами один раз, потом второй, потом третий.

— Что там? — спросила Клэр.

Он молча протянул ей листок. Это оказался список участников операции «Нулевой протокол» — восемь человек: Майкл Хейл, Ричард Кейн, Джонатан Рид, несколько неизвестных имён. И последнее — Маркус Хейл, возраст 38 лет, статус допуска «Омега», дата документа — двадцать лет назад.

— Это шутка, — сказала Клэр, побледнев.

— Хотела бы я, чтобы это было шуткой.

— Кто составлял список?

— В этом и проблема. Никто. Документ появился в архиве в день запуска операции — без автора, без подписи, без источника.

Маркус закрыл глаза, пытаясь найти рациональное объяснение: ошибка, подделка, психологическая операция. Но каждая новая деталь разрушала предыдущую версию.

— Значит, вы хотите сказать... — Он не закончил: формулировка звучала слишком безумно даже для него самого.

— Нет, — покачала головой София. — Я не хочу ничего сказать. Я лишь показываю факты. Выводы делать вам.

Клэр подалась вперёд.

— Почему именно сейчас? Почему вы связались с ним сегодня?

— Потому что вчера произошло то, чего не происходило двадцать лет. Кто-то снова открыл Нулевой протокол.

— Файл ZERO, — сказал Маркус. — Его открывал я.

— Нет. Вы были вторым.

В кабине стало очень тихо.

— Кто был первым?

София смотрела ему прямо в глаза несколько секунд.

— Пользователь NULL.

Маркус и Клэр переглянулись. Сердце Маркуса застучало быстрее — впервые кто-то ещё знал об этой записи, впервые NULL перестал быть просто странной строчкой в журнале и стал частью настоящего расследования.

— Кто это?

— Именно это мы пытаемся выяснить последние двадцать лет.

Пилот повернулся к ним.

— У нас проблема.

София мгновенно поднялась.

— Какая?

— Нас сопровождают.

Усталость последних суток вдруг отступила — Маркус уже понял простую закономерность: в мире Софии слово «проблема» никогда не означало ничего хорошего. Она шагнула в кабину пилотов, посмотрела вперёд — и впервые за всё время потеряла самообладание. Всего на секунду. Но Маркус это увидел.

— Что такое?

— Это невозможно, — тихо ответила она, указывая на лобовое стекло. — Нас догоняет Лукас Вейн.

Имя ничего не говорило Маркусу. Но по лицу Софии он понял главное: есть люди, чьего появления достаточно, чтобы опытные оперативники начинали бояться. И Лукас Вейн был одним из них.

Спокойствие держалось на лице Софии всего несколько секунд, а потом она резко шагнула обратно в кабину пилотов. За время знакомства Маркус и Клэр уже успели увидеть немало тревожных реакций — Рид нервничал, охранники боялись, люди в архиве стреляли, — но София до этого момента выглядела человеком, которого невозможно вывести из равновесия. Поэтому её испуг оказался красноречивее любых слов.

Маркус подошёл к кабине.

— Кто такой Лукас Вейн?

Она не ответила — смотрела вперёд, туда, где среди облаков росла маленькая чёрная точка. Пилот выругался.

— Расстояние сокращается.

— Объясните мне, что происходит, — потребовал Маркус.

София наконец обернулась.

— Слышал когда-нибудь про людей, которых официально не существует?

— В моей профессии это случается примерно каждый вторник.

— Тогда представь человека, которого не существует даже для тех, кто сам не существует. Вейн — исполнитель. Не наёмник и не киллер, а нечто ближе к тому. Он появляется тогда, когда кто-то решает, что проблема должна исчезнуть навсегда.

Клэр поднялась.

— Я слышала это имя — закрытый внутренний отчёт, четыре ликвидации в трёх странах, все цели под государственной защитой, все убиты в течение одной недели. Никаких следов, никаких свидетелей.

— Это был он, — кивнула София.

— И теперь он летит за нами? Отлично.

— Нет. Совсем не отлично.

Пилот бросил взгляд на приборы.

— Он уже рядом.

Маркус приблизился к стеклу. Чёрная точка стала различима — лёгкий, стремительный вертолёт, приближавшийся с пугающей уверенностью, не виляя, не маневрируя, будто заранее знал их траекторию.

— Откуда он узнал, где мы?

— Хороший вопрос, — сказала София, открывая планшет. Несколько секунд она изучала карту, потом подняла взгляд на Маркуса. — Нас кто-то сдал. Информация о маршруте ушла буквально несколько минут назад.

— Среди своих? — выпрямилась Клэр.

— Я говорю только то, что вижу.

Вражеский вертолёт приблизился настолько, что стало видно чёрный корпус без маркировки, затемнённые стёкла — призрак в небе. Маркус вспомнил слова Рида: «Ты позволил себя заметить». Тогда фраза казалась бессмысленной. Теперь начинала обретать смысл.

— Куда мы летим?

— На временную базу.

— Где она?

— Не скажу — если нас возьмут живыми, я не хочу случайно им помочь.

— Начинаю понимать, почему ты ещё жива.

В наушниках пилота раздался короткий резкий сигнал, потом ещё один. Его лицо изменилось.

— Они нас захватили. Локатор, система наведения — кто-то получил наш цифровой профиль.

София выругалась — так, как Маркус никогда раньше от неё не слышал.

— Насколько всё плохо? — спросил он.

Пилот посмотрел на приближающийся вертолёт.

— Если это действительно Вейн...

Он не договорил — и не нужно было. Через несколько секунд раздался металлический щелчок снаружи. Пилот побледнел.

— Ракетный захват.

В кабине повисла тишина. Маркус никогда не служил в авиации, но даже он понял значение этих слов: кто-то навёл на них ракету, и этот кто-то не промахивается. София распахнула аварийный шкаф, достала чёрную сумку и бросила Маркусу.

— Парашют. Хотела бы, чтобы я шутила.

За иллюминатором чёрный вертолёт продолжал приближаться — с каждой секундой, с каждым ударом сердца. Когда расстояние сократилось настолько, что стали различимы очертания кабины, Маркус впервые увидел человека внутри: спокойного, неподвижного, будто он не участвовал в погоне, а уже знал её результат. Человек слегка повернул голову и посмотрел прямо на вертолёт Софии. Даже с такого расстояния Маркус ощутил необъяснимую уверенность: это был Лукас Вейн. И прилетел он не ради разговора.

Меньше километра — и этого оказалось достаточно. Маркус никогда не видел этого человека, не читал его досье, не слышал его голоса, но что-то внутри подсказывало: опасность реальна и первобытна.

— Не смотри на него, — сказала София.

— Почему?

— Потому что большинство людей начинает думать не о том, как победить Вейна, а о том, как выжить.

— Разве это плохо?

— Для оперативника — смертельно.

Пилот резко увёл машину вправо. Внизу промелькнула река, потом лес, потом снова промзона — но чёрный вертолёт держался у них на хвосте, будто привязанный невидимым тросом. София не отрывалась от планшета, лицо её темнело.

— Что теперь? — спросила Клэр.

— Теперь начинается самое интересное.

— Ненавижу, когда люди так говорят.

— Обычно я тоже.

На экране планшета вспыхнуло неожиданное уведомление. София застыла, открыла его — Маркус успел разглядеть несколько строк: «ДОСТУП ПОДТВЕРЖДЁН. ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ: NULL. УРОВЕНЬ ДОПУСКА: АБСОЛЮТНЫЙ». Она резко закрыла планшет.

— Что это было?

— Ничего хорошего.

— Догадался.

— Маркус, ты никому не говорил про NULL? — спросила она.

— Только Клэр. И Риду.

— Тогда становится интереснее. Это сообщение появилось не от нас — внутри защищённой сети, к которой сейчас никто не должен иметь доступ.

— Кроме пользователя NULL.

— Именно.

Пилот громко выругался. Все посмотрели вперёд и увидели новую проблему: на горизонте одна за другой появлялись точки. Не вертолёты — беспилотники, три ударных дрона, шедшие с противоположного направления. Вейн позади, дроны впереди — идеальная ловушка, бежать некуда.

— Кто ими управляет? — спросил Маркус.

— Если бы я знала... — начала София, и в этот момент её телефон зазвонил. Экран не показывал ни номера, ни имени — только одно слово: NULL.

В кабине стало очень тихо. Даже пилот замолчал. София ответила.

— Слушаю.

Несколько секунд тишины, потом из динамика раздался голос — спокойный, мужской, знакомый. Маркус узнал его сразу: именно этот голос говорил с ним утром, предупреждал его, отправлял координаты архива.

— София. Ты снова опаздываешь.

Пальцы Софии сильнее сжали телефон.

— Кто вы?

— Неправильный вопрос.

— Тогда какой правильный?

— Почему я до сих пор позволяю вам жить? Разверните вертолёт на девять градусов западнее. Если не развернёте — через три минуты все на борту погибнут.

Связь оборвалась.

— Мы серьёзно собираемся его слушать? — спросил пилот.

София посмотрела на радар, на дронов, на вертолёт Вейна, потом на Маркуса.

— Как ты думаешь?

Он вспомнил архив, файл ZERO, координаты, предупреждения — всё, что говорил неизвестный, пока подтверждалось.

— Я думаю, он уже дважды спас мне жизнь.

София помолчала, потом кивнула пилоту.

— Девять градусов на запад.

— Ты уверена?

— Нет. Но лучшего варианта у нас нет.

Вертолёт накренился, линия горизонта сместилась. Прошла секунда, вторая, третья — и произошло нечто, во что никто на борту не мог поверить. Один из ударных дронов вспыхнул без попадания, без предупреждения, просто превратился в огненный шар. Через секунду взорвался второй, ещё через секунду — третий. В небе остались только облака дыма и абсолютное молчание.

Пилот ошеломлённо смотрел вперёд, Клэр открыла рот, София медленно опустила телефон. А Маркус понял страшную вещь: кто бы ни скрывался под именем NULL, этот человек только что уничтожил три военных беспилотника одним звонком. Настоящий центр силы в этой истории находился вовсе не там, где они думали, — а где-то гораздо глубже. И гораздо ближе.

— Никому не говорить об этом, — сказала София, когда тишина стала невыносимой.

— О чём именно? — спросил Маркус.

— О том, что мы только что увидели.

— Боюсь, это будет сложно забыть.

— Не забыть. Не обсуждать.

— Ты действительно думаешь, что после такого мы сделаем вид, будто ничего не произошло? — спросила Клэр.

— Я думаю, что кто-то способен проникать в закрытые военные системы, уничтожать боевые дроны и одновременно находиться внутри архивов Нулевого протокола — и я не хочу привлекать его внимание ещё сильнее.

— Кажется, этот этап мы уже пропустили, — усмехнулся Маркус.

Пилот вдруг выпрямился.

— Контакт потерян. С Вейном. Просто исчез с радара.

— Это невозможно, — сказала Клэр.

— Сегодня удивительно популярное слово, — заметил Маркус, но внутри ему стало не по себе: профессиональный убийца такого уровня не исчезает случайно. Если Вейн прекратил преследование, значит, либо получил новый приказ, либо уже достиг цели — и второй вариант нравился ему гораздо меньше.

— Он не отступил, — сказала София. — Такие люди не отступают. Они заканчивают работу. Или умирают.

— Через десять минут будем на месте, — сказал пилот.

Внизу больше не было городов — только бесконечный лес.

— Где мы?

— Чем меньше знаешь, тем дольше живёшь.

— Ещё одна любимая фраза спецслужб.

— Именно поэтому она пережила столько поколений сотрудников.

Вертолёт начал снижаться, и среди деревьев проступили очертания комплекса — не бетонные бункеры и антенны, которых ожидал Маркус, а старый монастырь: каменные стены, остроконечная колокольня, несколько хозяйственных построек, забытых лет сто назад.

— Это шутка? Наша секретная база в монастыре?

— Именно поэтому её до сих пор не нашли.

Вертолёт коснулся земли, дверь открылась, холодный воздух ворвался внутрь. Маркус выбрался наружу и сразу заметил четверых мужчин, одетых как обычные технические сотрудники, но двигавшихся слишком уверенно, слишком внимательно следивших за пространством. Один подошёл к Софии с планшетом.

— Есть новости. Плохие.

— Других сегодня не бывает.

Она взглянула на экран — и впервые действительно побледнела. Маркус почувствовал, как внутри снова растёт тревога.

— Что случилось?

София молча протянула ему планшет. На фотографии, сделанной меньше часа назад, была штаб-квартира Управления — толпа, полицейские машины, скорые, журналисты — и на огромном новостном экране в центре кадра лицо Маркуса Хейла под строкой: «ОПАСНЫЙ ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ В ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ АТАКЕ НА ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕКТ».

— Они сошли с ума.

— Нет, — тихо сказала София. — Они начали контратаку.

Клэр взяла планшет, лицо её стало жёстким.

— Это не просто розыск.

— Конечно нет. Это уничтожение репутации. Сначала появятся доказательства, потом свидетели, потом мотив.

— Поддельные?

— Разумеется.

Маркус вспомнил утреннюю фразу Рида — «уже поздно для вопросов» — теперь она звучала иначе, как предупреждение, как попытка спасти его от того, что происходило сейчас.

— Они делают из меня врага государства. Почему?

— Потому что тебя невозможно арестовать законно, — сказала София. — Потому что, согласно большинству архивов, ты вообще не должен существовать.

Маркус замер.

— Что?

Технический сотрудник вмешался:

— Мы проверили все базы — федеральные архивы, резервные копии, исторические записи. До девятнадцати лет ты существуешь. После двадцати двух — тоже. Но между ними отсутствуют три года.

— Это невозможно.

— Мы тоже так думали. Налоговые записи, медицинские, университетские, банковские, паспортные, военная регистрация — всё отсутствует за этот период.

— Но я жил.

— Вероятно.

— Что значит вероятно?

— Маркус, документально получается, что три года тебя не существовало.

Тишина. Лес вокруг монастыря шумел ветром, где-то каркнула ворона. И в этой странной тишине Маркус вдруг вспомнил мелочь, которой никогда не придавал значения: несколько фотографий пропали из старого семейного альбома, а отец всегда говорил — «они потерялись при переезде». Тогда это казалось случайностью. Сейчас — уже нет.

Прежде чем он успел поделиться мыслью, со стороны монастыря раздался выстрел — один, точный, профессиональный. Один из людей Софии рухнул на землю ещё до того, как остальные поняли, что произошло, а через секунду прогремел второй. Лукас Вейн их нашёл. Человек упал мгновенно, без крика, без предупреждения — секунду назад стоял у вертолёт, теперь лежал на мокрой траве. Маркус успел заметить небольшое тёмное отверстие над правым глазом и понял главное: Вейн не промахивается никогда.

— ЛОЖИСЬ! — закричала София.

Все рухнули на землю. Второй выстрел ударил в каменную стену, третий прошёл через лобовое стекло вертолёт — пилот даже не успел пригнуться, кабина мгновенно покрылась красными брызгами. Клэр выругалась коротко и профессионально. София уже держала рацию.

— Контакт на периметре!

— Где? — заорал кто-то из охраны.

— Если бы я знала, он был бы уже мёртв.

Это была правда — никто не видел стрелка. Лес выглядел абсолютно спокойным, только деревья, ветер, дождь; и где-то среди сотен стволов находился человек, только что убивший двоих за несколько секунд. Сердце Маркуса застучало быстрее — не от страха, от понимания: Вейн пришёл один, он всегда работает один, значит, уверен в результате, а уверенность такого человека стоит дорого.

— Внутрь! — приказала София.

Они бросились к монастырю. Пули больше не летели — и это оказалось ещё страшнее, потому что означало одно: стрелок уже выбрал следующую цель и ждёт. Старинные двери захлопнулись за ними, тяжёлый засов встал на место, сотрудники заняли позиции у окон, монастырь мгновенно превратился в крепость. Но Маркус видел лица этих людей — они боялись. Все. Даже София. Особенно София.

— Сколько у нас времени?

— Если это действительно Вейн — нисколько.

Охранник подбежал.

— Периметр чист.

— Это невозможно, — сказала София.

— Мы ничего не нашли.

— Именно это меня и беспокоит.

Маркус подошёл к окну — лес выглядел совершенно пустым, будто там никого не было. Но где-то там только что находился человек, прострелявший кабину вертолёт с расстояния больше километра.

— Он играет с нами, — сказал он. — Если бы хотел убить, мы бы уже были мертвы. Он показал, что может войти на территорию, уничтожить охрану, что знает наше местоположение. Но не стал добивать остальных. Значит, ему что-то нужно.

— Или кто-то, — сказал охранник.

Тишина. Маркус почувствовал, как внутри складывается неприятная картина.

— Не я, — сказал он. — Если бы целью был я, он выстрелил бы в меня ещё на площадке. Вместо этого он убил пилота, потом охранника — устраняет препятствия.

София задумалась, потом лицо её резко изменилось: она поняла то же самое.

— Чёрт. Не Маркус.

— Тогда кто? — спросила Клэр.

Ответ пришёл раньше, чем София успела его произнести: из глубины монастыря донёсся сигнал тревоги, и один из сотрудников влетел в зал.

— Архив! Кто-то проник внутрь!

Все замерли. София по-настоящему побледнела.

— Настоящий архив Нулевого протокола.

Она уже бежала по коридору, Маркус и Клэр — следом. Коридоры монастыря уходили глубоко под землю, гораздо глубже, чем полагается монастырским коридорам: старый камень постепенно сменился бетоном, появились современные двери, кабели, сканеры, лифты.

— Теперь это больше похоже на секретную базу, — заметил Маркус.

— Добро пожаловать в реальность.

На нижнем уровне тяжёлая дверь оказалась уже открытой — слишком открытой, будто кто-то вошёл и не потрудился её закрыть. София ворвалась первой и остановилась. Маркус увидел через её плечо большой архивный зал: серверные стойки, терминалы, документы, идеальный порядок — кроме одной детали. Посреди комнаты стоял человек, высокий, в чёрном плаще, спиной к ним, спокойно рассматривающий один из мониторов, будто у себя дома.

Никто не двинулся. Потом незнакомец медленно повернулся, и Маркус почувствовал, как внутри всё похолодело: он узнал лицо. То самое, с фотографии двадцатилетней давности — лицо человека, стоявшего рядом с его отцом. Его собственное лицо.

— Здравствуй, Маркус, — сказал незнакомец, слегка улыбнувшись. — Я давно тебя ждал.

И впервые за всё расследование Маркус понял: возможно, самая большая тайна Нулевого протокола — не операция, не заговор, не Лукас Вейн. Возможно, самая большая тайна — он сам.

Несколько секунд никто не двигался, будто застыл сам воздух в архиве. Маркус смотрел на человека перед собой — на своё лицо, свои глаза, свою улыбку. Но что-то отличалось. Незначительно, почти неуловимо. Словно перед ним стоял не брат-близнец и не двойник, а версия самого себя, прожившая другую жизнь — более тяжёлую, более долгую, более опасную.

София пришла в себя первой, направив пистолет незнакомцу в грудь.

— Руки так, чтобы я их видела.

Он спокойно поднял руки — без малейшей тревоги.

— София. Рад видеть тебя живой.

— Кто ты?

— Ты знаешь ответ.

— Нет.

— Тогда ты зря потратила семь лет.

Охранники медленно брали его в кольцо, но незнакомец, казалось, вообще их не замечал — смотрел только на Маркуса.

— Кто ты такой?

— Интересно. Каждый раз всё начинается одинаково.

— Каждый раз?

— Да.

— Отвечай на вопрос, — потребовала София.

— Нет. Сначала я хочу убедиться, что ты действительно тот Маркус.

Холод пробежал по позвоночнику.

— Что это значит?

— Скоро узнаешь.

Он шагнул к терминалу. Мгновенно раздалось несколько щелчков предохранителей — охрана приготовилась стрелять. Он даже не взглянул на них.

— Не надо.

— Ещё один шаг — и я стреляю, — сказала София.

— Нет. Не стреляешь. Потому что тебе нужен ответ.

Её молчание подтвердило его правоту. Он положил ладонь на клавиатуру, экран ожил, по помещению прокатился тихий сигнал. На главном мониторе появилась строка: «ПРОТОКОЛ ZERO. АРХИВ РАЗБЛОКИРОВАН. УРОВЕНЬ ДОСТУПА: NULL».

У Маркуса пересохло во рту.

— NULL. Это ты?

— Частично.

— Что значит частично?

— Слишком сложный вопрос для первой встречи.

На экране начали появляться файлы — сотни, тысячи документов, фотографий, видео, журналов операций, данные, которые кто-то скрывал двадцать лет. София побледнела.

— Боже мой.

— Именно это я сказал двадцать лет назад.

— Кто ты?! — В голосе Софии впервые прозвучала почти ярость.

Он помолчал, потом ответил:

— Я человек вне списка.

Что-то внутри Маркуса напряглось — название будто ожило не как литературный образ, а как реальность.

— Объясни.

— Хорошо. Двадцать лет назад существовало девять участников Нулевого протокола. Официально в документах осталось восемь.

— Почему?

— Потому что девятого удалили. Из архивов. Из баз данных. Из памяти системы. Из истории.

— Такого не бывает, — сказала София.

— Бывает. Я доказательство.

Он подошёл к экрану, и на мониторе появилась та же старая фотография группы — теперь в полном разрешении.

— Посмотри внимательно.

Маркус приблизился. Та же группа — отец, Кейн, Рид, остальные, человек с его лицом. Но теперь он заметил новое: в углу снимка стояла дата — не двадцать лет назад, а двадцать лет и три месяца.

— Подожди. Это другая фотография.

— Правильно. София видела только копию. Это оригинал.

Он увеличил изображение — на заднем плане, почти полностью скрытая другими людьми, проступила размытая фигура.

— Кто это?

— Очень хороший вопрос.

Система начала восстанавливать изображение, лицо становилось чётче, и сердце Маркуса застучало быстрее — он узнавал черты. София тоже.

— Нет...

— Да.

Лицо полностью проявилось — Чарльз Уитмор, один из самых влиятельных людей разведывательного сообщества, человек, который официально никогда не имел отношения к Нулевому протоколу.

— Это невозможно, — прошептала София.

— Наоборот. Это единственная причина, почему всё ещё продолжается.

Маркус смотрел на фотографию, понимая, что фундамент всей истории только что треснул: человек, которого они считали далёким теневым игроком, оказался внутри операции с самого начала. Но настоящий удар последовал мгновение спустя, когда мужчина открыл личное дело: «УЧАСТНИК №9. СТАТУС: УДАЛЁН». Имя появилось на экране, и мир качнулся под ногами Маркуса. МАРКУС ХЕЙЛ. Дата рождения совпадала, имя совпадало, даже фотография совпадала. Кроме одного — возраст. В документе значилось: 38 лет. Двадцать лет назад.

В архиве повисла тишина, даже охранники забыли про оружие. София медленно опустилась на стул. Мужчина посмотрел прямо на Маркуса.

— Теперь понимаешь, почему тебя пытались стереть?

Он не ответил — просто смотрел на экран, столкнувшись впервые в жизни с фактом, который не мог объяснить никакой логикой. А где-то наверху, далеко над монастырём, снова прогремел одиночный выстрел. Лукас Вейн всё ещё был рядом, и времени на поиск ответов оставалось всё меньше.

Человек вне списка смотрел на них спокойно — слишком спокойно для того, вокруг кого были направлены четыре пистолета, будто оружие его совершенно не интересовало, будто он уже видел этот момент много раз.

— Эксперимент? — переспросила София.

— Да.

— Хочешь сказать, Нулевой протокол не был разведывательной программой?

— Он был замаскирован под разведывательную программу. Чтобы никто не задавал правильных вопросов.

— Каких? — спросил Маркус.

— Например: что произойдёт, если человек получит доступ к информации, которой ещё не существует?

Тишина. Клэр первой нарушила её:

— Это бессмыслица.

— Конечно. Любая правда сначала выглядит бессмыслицей.

— Хватит загадок, — резко сказала София. — Начинай говорить прямо.

Он кивнул.

— Хорошо. Двадцать лет назад группа людей обнаружила нечто. Мы не знали, что именно — с этого всё началось.

На экране за его спиной появилась новая фотография — подземный объект, серверы, учёные, военные, инженеры, и знакомые лица: Майкл Хейл, Ричард Кейн, Джонатан Рид, Чарльз Уитмор — все моложе, все там.

— Что это за место? — спросил Маркус.

— Источник. Всех ваших проблем.

— Ты специально так разговариваешь? — не выдержала София.

— Иногда.

Он нажал клавишу. Появился засекреченный отчёт, почти весь текст скрыт — видна только строка: «ОБЪЕКТ ДЕМОНИСТРИРУЕТ ДОСТУП К ИНФОРМАЦИИ ДО ЕЁ ВОЗНИКНОВЕНИЯ».

— Нет, — сказала Клэр.

— Именно так мы отреагировали в первый день.

— Это невозможно.

— Снова это слово.

Аналитический мозг Маркуса безуспешно пытался построить логическую модель происходящего — каждая деталь только усложняла картину.

— Какое отношение это имеет ко мне?

Мужчина слегка улыбнулся, подошёл ближе — теперь их разделяло меньше двух метров, будто зеркало смотрело в зеркало.

— Потому что эксперимент был связан с тобой. Ты был первым успешным результатом. Тишина стояла такая, что слышна была работа серверов.

— Нет, — покачала головой Клэр.

— Да.

— Тогда объясни, кто ты.

— Не могу. Потому что тогда вам придётся поверить.

— А сейчас?

— Сейчас вы ещё можете притворяться, что всё это ошибка.

Он отвернулся к экрану.

— Скажем так: в двадцатилетних архивах существует человек по имени Маркус Хейл — фотография, личное дело, биография, уровень допуска, история службы. И этот человек никогда не рождался.

По спине Маркуса пробежал холод. София тоже побледнела.

— Кто создал это досье?

— Не кто. Вот это уже правильный вопрос.

Он открыл новый файл: «ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ: NULL. СТАТУС: ОСНОВАТЕЛЬ».

— Основатель чего? — спросила Клэр.

— Системы. Всей.

София шагнула вперёд.

— Хватит. Кто такой NULL?

На этот раз он ответил сразу, без пауз и загадок:

— NULL не человек.

В архиве будто отключился звук. Только серверы продолжали тихо гудеть.

— Что значит не человек? — спросила Клэр. — Искусственный интеллект? Компьютер?

— Нет. Он никогда не входил в систему. Потому что система принадлежит ему.

В этот момент прогремел выстрел — не снаружи, внутри, совсем рядом. Один из сотрудников службы безопасности дёрнулся, будто ударенный молотом, и рухнул лицом вниз. На долю секунды все замерли, а затем второй охранник развернулся и выстрелил в своего напарника. Начался хаос — крики, пули, разлетающееся стекло. София рухнула за серверную стойку.

— Предатель!

Ещё один выстрел, ещё один упавший человек. Маркус схватил Клэр за руку и потащил к бетонной колонне; пули ударили в стену в нескольких сантиметрах от них. Человек вне списка не двигался — будто заранее ожидал происходящее. И тогда София поняла: Маркус увидел это по её лицу, увидел момент, когда части головоломки сложились.

— Нет... — прошептала она.

— Что? — крикнул Маркус.

Она посмотрела на него, и он впервые увидел в её глазах настоящий страх — не тревогу, не напряжение, а страх.

— Лукас Вейн никогда не собирался штурмовать базу.

Ещё выстрел. Свет погас в половине помещения, сработала аварийная система, красные лампы залили архив кровавым светом.

— Тогда что он делает? — крикнула Клэр.

София посмотрела на тела охранников, на хаос, на людей, уже убивавших друг друга.

— Он отвлекал нас. Настоящий враг всё это время был внутри монастыря.

Один из предателей медленно снял с лица силиконовую маску, и Маркус увидел незнакомое лицо — человека, которого никогда не видел среди сотрудников Софии. Значит, тот проник сюда задолго до их прибытия, возможно, много лет назад. А это означало одно: Нулевой протокол начал пожирать своих участников ещё двадцать лет назад, и процесс до сих пор не закончился.

Один из серверов взорвался дождём искр, помещение озарила ослепительная вспышка, потом снова утонуло в красном аварийном свете. Но Маркус вдруг понял: предатели стреляли не по людям. Основной огонь приходился по серверам, по стойкам хранения, по самим доказательствам.

— Они уничтожают архив! — крикнул он.

— Наконец заметил! — ответила София.

Клэр прижалась к колонне.

— Что будем делать?!

— Не дать им закончить работу!

— Отличный план! А детали есть?

Маркус уже собирался ответить, когда произошло неожиданное. Человек вне списка, до этого казавшийся лишь наблюдателем, начал действовать. Один из предателей выскочил из-за стойки, пистолет — прямо в Софию, расстояние меньше десяти метров. Слишком близко, слишком поздно. Но выстрелить он не успел: Человек вне списка оказался рядом раньше, одно почти незаметное движение — и предатель рухнул на пол, пистолет отлетел в сторону. Маркус видел драки, спецназ, работу оперативников — но не видел ничего подобного. Движение заняло меньше секунды, будто кто-то вырезал несколько кадров из реальности.

— Кто ты такой?.. — прошептала София, потрясённая не меньше Маркуса.

Он уже двигался дальше — второй предатель попытался открыть огонь, но снова опоздал: удар, падение, пистолет на полу. За несколько секунд численность противника сократилась наполовину. Один из оставшихся агентов, поняв, что проигрывает, бросился к центральному серверу, крича в гарнитуру:

— УИТМОР ПРИКАЗАЛ УНИЧТОЖИТЬ ВСЁ!

В архиве будто остановилось время. Имя Уитмора прозвучало впервые открыто, без намёков и догадок. София побледнела, Клэр замерла. Но продолжения не последовало: в следующее мгновение окно взорвалось осколками, раздался одиночный далёкий и очень точный выстрел, голова предателя дёрнулась назад, тело рухнуло на пол — мёртвое ещё до падения.

— Вейн... — тихо произнесла София.

Маркус понял: Вейн только что убрал человека, сказавшего лишнее, — не спасая никого, просто закрывая рот свидетелю. Почерк профессионала: чистый, безжалостный, окончательный.

Тем временем центральный сервер неожиданно ожил, экран вспыхнул белым, по помещению прокатился сигнал: «АВАРИЙНАЯ ВЫГРУЗКА ДАННЫХ. ПРОЕКТ JANUS». Маркус увидел, как впервые изменилось лицо Человека вне списка — настоящая тревога.

— Нет...

— Что такое Янус? — спросил Маркус.

— То, что никогда не должно было открыться.

Но система уже работала: файлы загружались один за другим — старые отчёты, исследовательские журналы, протоколы экспериментов, а затем появился титульный документ: «ПРОЕКТ JANUS. СТАТУС: АКТИВЕН. СУБЪЕКТ М».

— Субъект М? Кто это? — спросила Клэр.

Человек вне списка смотрел на экран, будто видел призрак.

— Это начало всего. — Он перевёл взгляд на Маркуса. — Тебя.

Земля будто снова стала уходить у Маркуса из-под ног. На экране появились новые строки: «ВОЗРАСТ СУБЪЕКТА: 18 ЛЕТ. СТАТУС: ПЕРЕХОД ЗАВЕРШЁН. СИНХРОНИЗАЦИЯ УСПЕШНА» — и сотни страниц данных, часть повреждена, часть удалена, часть зашифрована. Но одного взгляда хватало, чтобы понять: все дороги снова ведут к Маркусу.

София опустила на край стола.

— Господи...

— Не надо, — сказал Человек вне списка.

— Что?

— Не надо пытаться понять всё сразу.

— Тогда объясни.

Он долго смотрел на Маркуса, будто решая, сколько правды можно сказать. Наконец Маркус задал вопрос, давно висевший в воздухе:

— Ты мой отец?

Тишина. Даже аварийная сигнализация будто стала тише. Он медленно покачал головой.

— Нет.

Облегчение и разочарование пришли одновременно.

— Тогда кто ты?

Он помолчал, потом ответил:

— Я тот, кем ты должен был стать.

Слова повисли в воздухе — никто не понял их смысла до конца, но все почувствовали его вес. И прежде, чем кто-либо успел задать новый вопрос, один из терминалов подал короткий сигнал. Экран вспыхнул: новое сообщение, отправитель NULL, всего одна строка. «НЕ ДОВЕРЯЙТЕ СОФИИ».

Никто не произнёс ни слова. Все взгляды остановились на Софии Блейк. Она смотрела на экран — и впервые с момента их знакомства выглядела человеком, который не знает, что делать дальше.

Глава 4. Первый выстрел

Сообщение продолжало светиться в красном полумраке архива: «НЕ ДОВЕРЯЙТЕ СОФИИ». Никто не произносил ни слова — за последние двадцать минут случилось слишком много: человек с лицом Маркуса, проект JANUS, участник №9, предатели внутри базы, имя Уитмора, NULL. Каждая новая тайна перечёркивала предыдущую. Но сейчас самым опасным в помещении оказалась не информация, а человек — София Блейк.

Она смотрела на экран несколько секунд, потом медленно выдохнула.

— Ну что ж. Видимо, дошла очередь и до меня.

Клэр не опустила оружия.

— Есть что сказать?

— Очень много. Например, что если бы я работала на Уитмора, вы все были бы мертвы ещё в вертолёте.

— Не лучший аргумент.

— Согласна.

Маркус внимательно наблюдал за ней — профессиональная привычка искать признаки лжи: микродвижения, взгляд, интонацию, напряжение мышц лица. Не находил ничего. София выглядела по-настоящему растерянной, и это тревожило ещё сильнее.

Человек вне списка шагнул к терминалу.

— Позже.

— Что? — спросила Клэр.

— Разбираться с Софией будем позже. Потому что через несколько минут здесь станет оченьлюдно.

Словно в подтверждение его слов где-то наверху прогремел взрыв, куда мощнее прежних. С потолка посыпалась пыль, лампы мигнули.

— Они начали штурм? — спросил Маркус.

— Нет, — ответил он, глядя вверх. — Они уничтожают комплекс.

София мгновенно поняла.

— Чёрт. Вейн понял, что архив открыт. Теперь никто не должен выйти отсюда живым.

— Начинаю его ненавидеть, — сказала Клэр.

— Это взаимно.

София уже двигалась к выходу — быстро, решительно, как человек, снова обретший цель.

— Куда мы идём?

— Уходим. Не через главный выход, если хочешь жить.

Подземные коридоры монастыря оказались куда обширнее, чем предполагал Маркус — уровень за уровнем, переход за переходом, будто под древним зданием скрывался настоящий лабиринт; красные аварийные лампы превращали всё вокруг в декорации кошмара. Группа быстро двигалась вперёд: Маркус, Клэр, София, Человек вне списка и трое оставшихся охранников — меньше половины тех, кто встретил их после посадки. Потери оказались огромными, и это было только начало.

— Кто-нибудь объяснит, кто этот человек? — спросила Клэр, кивнув на их спутника.

— Позже.

— Все любят это слово.

— Потому что сейчас не время.

Впереди появился тяжёлый гермозатвор. София приложила карту доступа раз, другой — ничего.

— Нас уже заблокировали.

Человек вне списка спокойно подошёл к панели, несколько секунд смотрел на экран, потом ввёл комбинацию символов — дверь открылась без единого сигнала, без запроса авторизации.

— Это невозможно, — сказала София, глядя на него так, будто увидела привидение. — Откуда ты знаешь коды?

— Я их создавал.

Никто не успел уточнить смысл сказанного — сзади прогремела автоматная очередь, коридор наполнился эхом выстрелов, один из охранников упал, второй открыл ответный огонь.

— ВПЕРЁД!

Группа бросилась через дверь, последний охранник буквально нырнул внутрь за секунду до того, как тяжёлые створки сомкнулись. Наступила тишина — только тяжёлое дыхание и удары сердца.

— Долго не продержится, — сказал охранник.

— Знаю, — ответила София, уже открывая карту комплекса. — Тогда куда?

Она указала на экран.

— Лес? Мы собираемся бежать через лес?

— Именно, — кивнул Человек вне списка. — Лукас Вейн ненавидит работать в лесу.

— Откуда ты это знаешь? — резко повернулась София.

— Потому что я знаю Лукаса Вейна. Настолько хорошо, насколько вообще можно знать такого человека.

— Сколько ещё сюрпризов у тебя осталось? — спросила Клэр.

— Очень много.

— Потом, — оборвала София. — Сначала выживем.

Через семь минут они покинули подземный комплекс через выход, замаскированный среди скал в нескольких километрах от монастыря — Маркус ни за что не заметил бы его сам. Ночь встретила их сильным холодным дождём, порывы ветра раскачивали верхушки деревьев, вдали гремел гром. Идеальная погода для побега. Идеальная погода для убийцы.

Они углублялись в лес молча — каждый понимал очевидное: где-то рядом Лукас Вейн, возможно, уже наблюдает, уже выбрал цель, уже нажал спусковой крючок. Маркус поймал себя на том, что постоянно оглядывается — древний инстинкт: когда хищник рядом, ты ещё не видишь его, но уже чувствуешь.

Сначала он услышал тихий щелчок — будто сломалась ветка. Затылок взорвался тревогой раньше, чем сработал разум. Он резко повернул голову и увидел далёкую вспышку между деревьями. Выстрел. Мир замедлился; Маркус, не успев ничего понять, бросился в сторону — пуля пролетела там, где мгновение назад была его голова, срезала кору дерева. Клэр закричала, София падала на землю, охранники искали направление угрозы. Но Маркус успел увидеть больше: на долю секунды, среди дождя и теней — высокого неподвижного человека с винтовкой, лицо скрыто темнотой, лишь короткий отблеск оптики. Того самого, из вертолёт. Лукаса Вейна. Их взгляды встретились через сотни метров дождя и темноты, потом фигура исчезла, будто её не существовало. А Маркус ещё не понимал самого важного: Лукас Вейн только что промахнулся. Впервые.

Он лежал в грязи, тяжело дыша, дождь бил по лицу — но почти не замечал этого. Перед глазами стояло лицо Вейна: высокий лоб, холодные глаза, короткие тёмные волосы, никаких эмоций, никакой ненависти, только работа. Именно это пугало сильнее всего. Люди ошибаются из-за эмоций — ненавидят, боятся, теряют контроль. Лицо Вейна выглядело так, будто внутри давно ничего не осталось.

— Маркус! Вставай! — крикнула София.

Вторая пуля ударила в дерево рядом, щепки разлетелись в сантиметрах от головы. Сомнений не осталось: Вейн всё ещё держал их на прицеле. Группа бросилась дальше, лес становился

гуше, деревья скрывали обзор, но одновременно превращали любую поляну в ловушку. София шла первой — уверенно, будто знала местность; Клэр не отставала; Человек вне списка замыкал группу, постоянно оглядываясь — не нервно, а оценивающе, будто просчитывал следующую атаку.

Маркус догнал его.

— Ты действительно знаешь Вейна?

— Да. Очень старая история.

— Насколько старая?

— Старше тебя.

Он едва не споткнулся, но мужчина уже ускорил шаг — ответа не последовало, как обычно. Вопросов становилось больше, ответов — меньше.

Через несколько минут лес неожиданно закончился — перед ними возникла старая заброшенная дорога. София резко остановилась.

— Плохо. Открытое пространство.

Дорога проходила между двумя лесными массивами — почти триста метров открытого участка. Для обычного человека пустырь, для снайпера подарок.

— Есть другой путь?

— Нет.

В этот момент Человек вне списка тихо произнёс:

— Он уже здесь. Смотрит на нас.

— Откуда?

— Если бы я знал точно, мы бы уже стреляли.

Дождь продолжал лить, ветер качал ветви. И вдруг Маркус понял: именно этого Вейн и добивается — не убийства, пока не убийства, а напряжения, ожидания, страха. Охотник заставлял добычу смотреть во все стороны сразу, изматывал, ломал концентрацию, заставлял ошибаться.

— Бежим по двое, — подняла руку София.

— Это безумие.

— У тебя есть лучший вариант?

Первая пара охранников рванула через дорогу, низко пригнувшись — двадцать метров, пятьдесят, сто — ничего. Живыми достигли другой стороны.

— Следующие!

Клэр и один из сотрудников — снова ничего, только дождь. Маркус почувствовал нарастающее напряжение: слишком тихо, слишком спокойно. Снайпер вроде Вейна не станет тратить шанс попусту — если не стреляет, значит, ждёт или выбирает.

— Маркус. Теперь мы, — сказала София.

Они сорвались одновременно — бег, грязь, скользкая вода под ногами, сердце где-то в горле. Десять метров, тридцать, семьдесят — по-прежнему ничего. Маркус уже начал думать, что опасность позади, — и тогда прозвучал выстрел. Один, единственный, совершенный. Мир снова замедлился: рядом с ним дёрнулась София, будто кто-то толкнул её в плечо. Она потеряла равновесие, упала на колени, потом на бок — и осталась лежать неподвижно.

— СОФИЯ!

Маркус бросился к ней. Пуля пробила плечо навывлет, кровь смешивалась с дождевой водой — но ранение оказалось тяжёлым, не смертельным. Для Лукаса Вейна это выглядело почти невозможным, и София, сквозь боль, тоже это понимала.

— Беги...

— Нет.

— Маркус...

— Нет.

Далеко на вершине холма мелькнула фигура с винтовкой — неподвижная, наблюдающая. Всего секунда, но этого хватило: Маркус выхватил телефон, максимально приблизил изображение, сделал снимок — размытый, зернистый, но первое доказательство того, что самый опасный охотник в их мире действительно существует. Фигура растворилась среди дождя, будто лес её проглотил.

Человек вне списка подбежал, посмотрел на рану Софии, потом туда, где только что стоял Вейн — и впервые его лицо стало по-настоящему мрачным.

— Он играет не по правилам.

— Что это значит? — поднял взгляд Маркус.

Мужчина помолчал, будто взвешивая каждое слово.

— Это был не промах. Лукас Вейн попадает в цель с полутора километров — в движущуюся цель, при ветре, ночью. И если София жива...

Он не договорил — не нужно было. Маркус сам закончил мысль:

— Значит, он хотел, чтобы она осталась жива.

Впервые рядом с Лукасом Вейном появилась ещё одна загадка. И она оказалась опаснее любой пули.

София сидела под деревом, прижимая ладонь к раненому плечу; Клэр уже наложила повязку — быстро, профессионально, без лишних слов. Но мысли всех занимал не Вейн и не рана, а сказанная фраза. Это был не промах. Маркус снова посмотрел на размытый снимок в телефоне — теперь он выглядел иначе: не как изображение убийцы, а как изображение человека, принявшего сознательное решение.

— Почему? — спросил он.

— Не знаю, — ответил Человек вне списка.

— Ты же сказал, что знаешь его.

— Знаю. Но не понимаю, зачем он оставил Софию в живых. Лукас никогда ничего не делает случайно. Вот это меня и пугает.

Ответ никому не понравился, особенно Софии. Она медленно поднялась, поморщилась от боли, но устояла.

— Нам нужно двигаться дальше.

— Ты ранена.

— Я жива. Пока.

— Спасибо за поддержку, — бросила она Маркусу.

— Всегда пожалуйста.

Клэр невольно усмехнулась — первый намёк на нормальность за весь день. Но продлился он недолго: Человек вне списка вдруг замер, абсолютно неподвижно, как хищник, почувствовавший опасность.

— Что?

Он только поднял руку. Тишина, ветер, дождь — и вдруг Маркус услышал далёкий гул, сначала один двигатель, потом второй, третий. Много двигателей.

— Нет, — побледнела София.

— Что это?

— Поисковая группа.

Звук становился громче, ближе.

— Нас нашли?

— Нас ищут. Это хуже.

Над тучами появились огни — минимум шесть вертолётов, двигавшихся широким фронтом, прочёсывая лес.

— Откуда столько ресурсов? — спросила Клэр.

— Потому что официально мы террористы.

— Уже начинаю привыкать, — мрачно усмехнулся Маркус.

— Не привыкай. Такие ярлыки обычно заканчиваются пулей.

Пешком уйти уже не получалось — тепловизоры нашли бы их за минуты. Человек вне списка резко повернулся к северу.

— Сюда. Там есть шанс.

Лес постепенно становился каменистым — склоны, овраги, старые валуны; двигаться стало сложнее, зато исчезла прямая видимость. Через двадцать минут напряжённого подъёма они достигли гряды скал, и там Маркус увидел старый деревянный дом — одинокий, полузаброшенный, посреди ничего.

— Это что ещё такое?

— Укрытие. Моё.

Клэр нервно рассмеялась.

— Конечно. Разумеется. Секретная база в монастыре, теперь личный дом в лесу. Что дальше, космический корабль?

— Не исключено, — спокойно ответил мужчина, и никто так и не понял, шутил он или нет.

Дом оказался куда больше, чем выглядел снаружи: камин, запасы еды, аппаратура связи, медицинское оборудование, компьютеры, оружейный шкаф. София осмотрела помещение.

— Ты явно готовился. К чему?

— К сегодняшнему дню.

— Что? — обернулся Маркус.

— Я ждал тебя.

Снова эта фраза, снова ощущение, что половина разговора идёт мимо него.

— Перестань говорить загадками.

— Я стараюсь говорить как можно меньше — потому что чем больше ты узнаешь сейчас, тем меньше у тебя шансов пережить следующие сутки.

В этот момент один из компьютеров включился сам — никто к нему не прикасался. По комнате прокатился тихий сигнал, и на экране появилось: «ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ: NULL», следом — «ВРЕМЯ ЗАКОНЧИЛОСЬ», а затем строка, оказавшаяся хуже первых двух: «РИД УЖЕ В ПУТИ».

— Рид? — не понял Маркус.

— Это невозможно, — сказала София. — Джонатан Рид сейчас должен находиться за тысячи километров отсюда.

Следующее сообщение появилось мгновенно, будто кто-то слушал их разговор: «ОН УЖЕ ЗНАЕТ, ГДЕ ВЫ». Экран погас.

— Мне начинает казаться, что этот NULL следит вообще за всем, — сказала Клэр.

Человек вне списка медленно покачал головой.

— Нет. Мне начинает казаться нечто гораздо хуже. Что NULL ничего не отслеживает. Он просто знает.

Он не договорил, но никто уже не хотел слышать окончание этой мысли.

Никто не спал — даже не пытался. После сообщений NULL само понятие безопасности потеряло смысл. Снаружи шёл дождь, ветер бил в стены, изредка доносился рокот вертолётов — поиски продолжались. Маркус стоял у окна с кружкой остывшего кофе и пытался собрать происходящее в единую картину. Безуспешно: JANUS, человек с его лицом, участник №9, NULL, теперь ещё и Человек вне списка — и где-то между всеми этими фактами находился настоящий Маркус Хейл. Если он вообще был настоящим.

— Опасная мысль, — сказал Человек вне списка от камина, будто прочитав его.

— Какая?

— Та, которую ты сейчас пытаешься не думать. Что если ты не тот, кем себя считаешь.

— Ты постоянно говоришь загадками.

— Потому что прямой ответ ты пока не примешь.

— Попробуй.

Он посмотрел на огонь, потом неожиданно спросил:

— Какое твоё самое раннее воспоминание?

Станный вопрос — но Маркус попытался вспомнить: детство, дом, школа, отец, лето, море — сотни образов. И вдруг заметил: все они начинались примерно с шести-семи лет. Ничего раньше. Ничего вообще. Будто кто-то отрезал первые страницы книги.

— Ты тоже заметил, — произнёс Человек вне списка, глядя на его лицо. Это было утверждение, не вопрос.

— У большинства людей есть более ранние воспоминания.

— Не обязательно.

Маркус хотел возразить, но не смог: он действительно не помнил ничего до определённого возраста. Совсем ничего.

— Ты хочешь сказать, что ему подменили память? — спросила Клэр.

— Нет. Я хочу сказать, что мы пока не знаем, чья это память.

Тяжёлая тишина. София подняла голову.

— Хватит. Либо начинай говорить прямо, либо перестань говорить вообще.

— Хорошо, — неожиданно кивнул он.

Это был первый раз, когда он согласился без спора, и даже Маркус это заметил.

— Что изменилось?

— Время.

Маркус вспомнил сообщение NULL — время закончилось — и внутри неприятно шевельнулась тревога.

— Объясни.

Мужчина подошёл к компьютеру, открыл старый файл — чёрно-белая фотография, лаборатория, учёные, аппаратура, а в центре молодой человек лет восемнадцати. Кровь отхлынула от лица Маркуса: он смотрел на самого себя, только на двадцать лет моложе. И снимок датировался временем, когда он ещё не должен был существовать.

— Это монтаж? — спросила Клэр. — Подделка?

— Нет. Ни то, ни другое. Это первый успешный субъект.

— Субъект М?

— Да.

— Кто он? — спросил Маркус, чувствуя, как сердце ускоряется.

— Именно это мы пытались выяснить двадцать лет.

В тишине раздался тихий щелчок — все одновременно повернули головы. Софияхватила оружие.

— Что это было?

Щелчок повторился, теперь ближе, будто внутри дома. По позвоночнику Маркуса пробежал холод, и Человек вне списка резко изменился — вся его философия исчезла, остался только опасный профессионал.

— Всем на пол!

Голос прозвучал настолько жёстко, что никто не подумал спорить. Они рухнули почти одновременно — и в ту же секунду окно взорвалось внутрь: не разбилось, именно взорвалось, дождь стекла и щепок, ветер, и маленький тёмный цилиндр, катящийся по полу.

— ЛОЖИСЬ!

Граната сработала мгновением позже — но вместо огня комнату залил ослепительный белый свет. Ударная волна прокатилась по дому, слух исчез, всё стало белым и нереальным. Сквозь этот хаос Маркус разглядел силуэт — кто-то входил через разбитое окно, высокий,

спокойный, вооружённый, двигавшийся с пугающей уверенностью. Даже сквозь ослепление он узнал его. Лукас Вейн больше не охотился издалека — он пришёл лично.

Белая вспышка ещё жгла глаза, слух возвращался медленно — сначала металлический звон, потом глухие удары, потом крики. Маркус перекатился по полу инстинктивно, не думая — секундой позже пуля прошла место, где только что была его голова. Не галлюцинация: Вейн действительно был в доме.

Он поднял пистолет, но видел только размытые тени — слишком яркой оказалась вспышка, слишком профессиональным штурм. Или кто-то уже знал планировку дома. Эта мысль ударила сильнее гранаты: убежище считалось секретным, о его существовании знали единицы, но Вейн нашёл его меньше чем за два часа. Либо гений, либо кто-то сообщил координаты — и список подозреваемых рос быстрее списка союзников.

Клэр выстрелила первой, на звук, на движение. Ответный выстрел выбил пистолет из её руки, не задев пальцев, — так стреляют не убийцы, так стреляют люди, желающие показать своё превосходство.

— КЛЭР!

— Я цела! — донёсся хриплый, но живой голос из темноты.

Ещё выстрел — светильник взорвался над головой, дом окончательно погрузился во мрак, остались только вспышки выстрелов. Среди них Маркус увидел, как Вейн двигается через комнату спокойно, без спешки, будто пришёл не убивать, а проверить что-то. Любой другой киллер уже закончил бы работу — Вейн словно искал конкретного человека.

Человек вне списка появился из темноты, будто материализовался, и две тени столкнулись без единого слова. Маркус никогда не видел ничего подобного: удар, блок, разворот, треск дерева — оба двигались настолько быстро, что глаз не успевал фиксировать детали. Вейн отступил на шаг. Впервые.

— Ты должен был умереть, — сказал он, и голос оказался совершенно не таким, каким представлял его Маркус — спокойный, низкий, усталый, голос человека, который слишком многое видел.

— Мы оба должны были умереть, — ответил Человек вне списка.

Даже стрельба будто стихла на несколько секунд. Маркус почувствовал: эта фраза значила гораздо больше, чем казалось — их связывало прошлое, очень опасное прошлое. Вейн медленно поднял оружие, направив ствол прямо ему в грудь.

— Ты всё испортил. Из-за тебя всё началось снова. Из-за тебя он жив.

Молчание. Вейн перевёл взгляд на Маркуса — впервые без оптики, без прицела, без сотен метров между ними, — и во взгляде читалось не презрение, а изучение, будто он рассматривал редкий экспонат.

— Значит, это действительно он.

— Лукас, — шагнул вперёд Человек вне списка.

— Не называй меня так. Тот человек умер давно.

Лицо собеседника изменилось — совсем немного, но достаточно: настоящее сожаление.

— Я пытался тебя остановить.

— Нет. Ты пытался спасти проект.

— Я пытался спасти людей.

— Это одно и то же.

Никто ничего не понимал, но все чувствовали масштаб происходящего — разговор шёл не о сегодняшнем дне, а о событиях двадцатилетней давности, продолжавших убивать людей до сих пор. Из кармана Вейна раздался короткий электронный сигнал, и реакция оказалась мгновенной — он замер, словно получил приказ, прочитал сообщение и впервые за всё время выглядел удивлённым.

— Он проснулся, — произнёс Вейн.

— Кто? — спросила София.

Он не ответил.

— Кто проснулся?!

Лукас посмотрел на неё, и в его глазах впервые появилось нечто похожее на настоящий страх.

— NULL.

Ледяной холод прошёл по позвоночнику Маркуса — это был первый человек за всё исследование, произнёсший имя NULL так, будто говорил не о программе, не о коде, а о живом существе. И ещё страшнее было то, что Лукас Вейн явно не хотел находиться рядом, когда это существо проснётся.

Слова Вейна ещё висели в воздухе. NULL проснулся. Никто не двигался, никто не стрелял — даже буря за стенами будто на мгновение стихла. Маркус смотрел на самого опасного человека, которого когда-либо встречал, и этот человек выглядел встревоженным. Не напуганным — встревоженным, а это было хуже: страх возникает перед понятной угрозой, тревога — перед тем, чего не понимаешь.

— Объясни, — сказал Маркус.

Вейн долго смотрел на него, будто решая, стоит ли отвечать.

— Уже поздно для объяснений.

— Тогда зачем ты здесь?

Он усмехнулся, коротко и устало.

— Хороший вопрос.

— Ты получил приказ? — спросил Человек вне списка. — От Уитмора?

— Нет.

Это слово прозвучало как удар.

— Тогда от кого? — нахмурилась София.

Ответа не потребовалось: монитор в дальнем углу внезапно включился сам, без электричества, без причины. На экране появилась строка: «ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ NULL», ниже — «ЛУКАС». Сообщение выглядело не системным уведомлением, а обращением по имени. Затем экран обновился: «ОТСТУПИ».

Абсолютная тишина. Вейн смотрел на монитор, не моргая, будто слышал что-то ещё, чего не могли услышать остальные — и впервые за всё время подчинился без спора, медленно опустив оружие.

— Что за чёрт происходит? — спросила Клэр.

Никто не ответил — экран снова изменился: «МАРКУС ДОЛЖЕН ЖИТЬ». Даже Человек вне списка замер. Кровь Маркуса стыла в жилах не потому, что сообщение адресовалось ему, а потому что оно звучало как приказ — будто кто-то распределял судьбы людей. Следующая строка появилась почти мгновенно: «ЭТА ФАЗА НЕ ЗАВЕРШЕНА».

— Фаза? Какая ещё фаза? — прошептала Клэр.

— Нет... — произнёс Человек вне списка, и Маркус впервые услышал в его голосе настоящий ужас. — Только не это.

Монитор продолжал печатать, буква за буквой: «ПРОЕКТ JANUS АКТИВЕН. СУБЪЕКТ М ОБНАРУЖЕН. СИНХРОНИЗАЦИЯ ВОЗОБНОВЛЕНА».

У Маркуса закружилась голова, будто мир потерял устойчивость. Взгляд случайно упал на старое зеркало у камина — и на долю секунды отражение не повторило его движение. Отражение тоже смотрело на него, но чуть иначе, чуть медленнее, будто между ними существовала задержка. Потом всё исчезло — обычное зеркало, обычное отражение.

— Маркус? Ты в порядке?

Голос Клэр прозвучал очень далеко. Он не ответил — в голове вспыхнула картинка: не воспоминание, не мысль, а короткий образ. Лаборатория, белый свет, стекло, люди в халатах,

отец. И чей-то голос, очень знакомый: «Субъект стабилен». Образ исчез так же быстро, как появился. Маркус схватился за край стола.

Вейн наблюдал за ним несколько секунд.

— Началось.

Человек вне списка закрыл глаза, будто услышал приговор.

— Мы думали, что выиграли двадцать лет назад.

— Вы проиграли, — сказал Вейн.

Он направился к разбитому окну — никто не пытался его остановить, никто не стрелял: происходящее стало страшнее обычной перестрелки. У самого окна он остановился, посмотрел на Маркуса и произнёс слова, которые будут преследовать его во снах:

— Когда начнёшь вспоминать — не верь тому, что увидишь.

И исчез в ночи, растворился в дожде, будто его никогда здесь не было. В доме осталось только эхо его слов и понимание, что охота только начинается — и теперь никто уже не был уверен, кто именно является добычей.

Несколько секунд все просто смотрели на пустой оконный проём. Первой очнулась София.

— Кто-нибудь понимает, что сейчас произошло?

— Нет, — ответила Клэр. — Но у меня ощущение, что мне это не понравится.

Маркус по-прежнему смотрел на окно, вспоминая последнюю фразу Вейна. Когда начнёшь вспоминать — не верь тому, что увидишь. Что это значило? Детство? Проект JANUS? Человека на фотографии? Самого себя?

Человек вне списка подошёл к компьютеру и долго смотрел на последние сообщения NULL, будто искал скрытый смысл или подтверждение собственным опасениям.

— Ты знал, что такое возможно? — спросил Маркус.

— Что именно?

— Это. Сообщения. Приказы Вейну. Субъект М. Синхронизация.

— Нет. Не могу объяснить.

— Или не хочешь?

— Не могу.

И впервые Маркус ему поверил — мужчина выглядел действительно растерянным, а это случалось у него крайне редко.

— Есть что-нибудь ещё? — подошла София.

— Да. Мне очень не нравится одно совпадение. NULL появился сразу после того, как Маркус увидел фотографию. Потом появились воспоминания. Потом Вейн получил приказ прекратить операцию.

— К чему ты клонишь?

— К тому, что кто-то очень внимательно следит за состоянием Маркуса.

— Следит каким образом? — спросил Маркус, чувствуя холод внутри. — Через камеры? Спутники? Сеть?

— Возможно. Возможно. Возможно.

— Ты перечислил половину известных способов наблюдения, — сказала Клэр.

— Именно. И боюсь, ни один из них не подходит.

Эта фраза не понравилась никому, особенно Маркусу — именно он оказался её центром. Где-то наверху раздался гром, дом слегка вздрогнул. Человек вне списка подошёл к шкафу и начал доставать старые бумажные карты.

— Почему не планшет?

— Потому что планшет можно взломать. Карту можно только украсть.

Он разложил листы на столе.

— Наш следующий маршрут, — сказал он, коснувшись пальцем одной точки.

Клэр прочитала название вслух:

— Комплекс «Гелиос».

— Нет, — резко подняла голову София.

— Да.

— Даже не думай. Этот объект закрыт двадцать лет.

— Именно поэтому он нам нужен.

— Что такое «Гелиос»? — спросил Маркус.

София посмотрела на него, потом на фотографию молодого человека с его лицом, потом снова на него.

— Место, где всё началось. JANUS. Нулевой протокол. Субъект M. NULL. — Она помолчала. — И ты.

Внутри у Маркуса поднялась необычная тревога, будто какая-то часть сознания уже знала ответ, но не хотела его слышать. Монитор вспыхнул снова: «НЕ ЕДЬТЕ В ГЕЛИОС», затем «СЛИШКОМ ПОЗДНО», затем «ОН УЖЕ ИДЁТ».

— Кто идёт? — тихо спросила Клэр.

Экран ответил, буква за буквой: «ПЕРВЫЙ». Человек вне списка по-настоящему побледнел — впервые за всё время.

— Кто такой Первый? — спросила София.

Он долго молчал, потом произнёс:

— Единственный человек, которого боялся Лукас Вейн.

И в этот момент где-то далеко, в глубине заброшенного подземного комплекса, открылась тяжёлая герметичная дверь, не двигавшаяся двадцать лет. Механизмы ожили, лампы аварийного освещения вспыхнули одна за другой. Кто-то сделал первый шаг из темноты.

Маркус сжал край стола так сильно, что побелели пальцы.

— Нет. Хватит.

Слова прозвучали жёстче, чем он ожидал, но внутри уже несколько часов копилось раздражение — слишком много тайн, слишком много недомолвок, слишком много людей, знавших больше него самого.

— Я устал быть единственным, кто ничего не понимает. Сначала JANUS. Потом субъект M. Потом человек с моим лицом. Потом NULL. Теперь какой-то Первый. Либо ты начинаешь говорить, либо мы заканчиваем этот разговор прямо сейчас.

Дождь бил по крыше, монитор продолжал светиться холодным белым светом. Человек вне списка медленно опустился на стул — впервые за всё время он выглядел старым, будто последние часы отняли у него несколько лет жизни.

— Хорошо, — сказал он. Это слово они слышали от него второй раз за ночь — и второй раз оно означало капитуляцию. — С чего начать?

— С правды.

— Она слишком большая.

— Тогда с начала.

Он посмотрел на фотографию молодого человека на экране, на лицо Маркуса, на прошлое.

— Двадцать три года назад несколько государств запустили совместный проект. Не JANUS — тот появился позже. Официально это называлось исследованием человеческого сознания.

— Звучит слишком расплывчато, — сказала Клэр.

— Потому что так его называли официально. Неофициально — проектом бессмертия.

— Замечательно, — закатила глаза Клэр. — Дошли до бессмертия. Что дальше, алхимии?

— Нет. Математика.

Это заставило её замолчать.

— Учёные пришли к простой мысли, — продолжил он. — Если память можно записать, если личность можно описать, если сознание — структура, значит, её можно воспроизвести.

Неприятный холод прошёл по Маркусу — он вдруг вспомнил саму идею: человека как информацию, сознание как код. Направление разговора нравилось ему всё меньше.

— Они пытались копировать людей?

— Да.

— И что получилось?

Мужчина долго смотрел на огонь.

— Сначала ничего. Потом ошибки. Потом катастрофы. А затем появился Первый. Тишина. Маркус посмотрел на монитор, на слово, звучавшее теперь совсем иначе.

— Кто он?

— Первый успешный результат. Не человек — первый разум.

Никто не произнёс ни слова — все одновременно поняли смысл.

— Искусственный интеллект? — спросила Клэр.

— Нет.

— Тогда что?

— Мы не знаем. Мы создали его — и не знаем, что это такое.

Маркус вдруг понял: это, возможно, самый честный ответ за весь вечер — признание не лжи, а поражения.

— Что случилось потом?

— Он начал учиться. Слишком быстро. За восемь месяцев превзошёл всех своих создателей. После этого проект закрыли — потому что кто-то задал ему неправильный вопрос.

— Какой?

Мужчина посмотрел ему прямо в глаза.

— Что станет с человечеством через сто лет?

Абсолютная тишина.

— И что он ответил?

Он не ответил сразу — подошёл к окну, посмотрел на дождь.

— После этого трое учёных покончили с собой. Ещё двое исчезли. Один сошёл с ума.

Проект немедленно засекретили.

— Что он сказал?

— Мы не знаем. Файл уничтожен. Теми же людьми, которые позже создали JANUS.

— Они решили попробовать ещё раз, — тихо выдохнула София. — Несмотря на всё это.

— Да.

— Почему?

— Потому что человечество обладает удивительным талантом повторять собственные ошибки.

Монитор вспыхнул снова: «ОН БЛИЗКО», потом «ОЧЕНЬ БЛИЗКО», потом «Я НЕ МОГУ ЕГО ОСТАНОВИТЬ». Настоящая тишина повисла в комнате — впервые за всю ночь в словах NULL прозвучало не предупреждение и не приказ, а беспомощность. И это напугало Маркуса сильнее всего остального. Если сам NULL боялся Первого — каким тогда должен быть сам Первый?

Ночь медленно приближалась к рассвету, дождь начал стихать. Клэр уснула первой в кресле у камина, не выпуская пистолет даже во сне. София заняла позицию у окна, глядя в темноту, куда исчез Вейн. Человек вне списка закрылся в соседней комнате — иногда слышался шелест бумаг, щелчки клавиатуры, редкие тихие ругательства. Маркуса это почему-то успокаивало: если такой человек нервничал, значит, происходящее действительно выходило за рамки нормы.

Сам он сидел за столом перед фотографией — той самой, лаборатория, молодой человек, его лицо, его глаза. Каждый раз казалось, что снимок тоже смотрит на него — будто между ними существовала невидимая, но реальная связь. Он не заметил, как глаза начали закрываться, и сознание провалилось в темноту.

Почти сразу появился свет — яркий, белый, стерильный. Не сон. Не совсем сон. Маркус стоял посреди длинного коридора: белые стены, стеклянные панели, за ними — люди, учёные, военные, операторы. Никто не обращал на него внимания, будто его не существовало. На одной из дверей значилось: «СЕКТОР D. ФАЗА IV» — что-то внутри болезненно дрогнуло, он уже видел эти слова, когда-то, очень давно.

За стеклом следующей комнаты собрались десятки людей. Маркус узнал одного мгновенно — Майкл Хейл, на двадцать лет моложе, без седины, живой, по-настоящему живой. Рядом стояли молодой Ричард Кейн и молодой Джонатан Рид. Трое мужчин смотрели через стекло на что-то внутри помещения. Маркус перевёл взгляд — и застыл. По другую сторону стекла сидел молодой человек с его лицом, его глазами, его чертами — словно отражение. К его голове тянулись десятки проводов, мониторы показывали графики и потоки данных, менявшиеся слишком быстро, чтобы их читать.

— Субъект стабилен, — раздался голос из динамиков. Маркус уже слышал эту фразу — теперь воспоминание продолжалось.

— Нейронная активность превышает расчётную на восемнадцать процентов.

— Это невозможно, — сказал кто-то.

— Однако это происходит.

Майкл Хейл не сводил глаз с молодого человека.

— Продолжайте процедуру.

— Мы всё ещё можем остановиться, — сказал Кейн.

— Нет. Уже поздно.

Голос из динамиков произнёс: «Подготовить носитель». Слово прозвучало знакомо, слишком важно, слишком опасно. Молодой человек за стеклом вдруг поднял голову — медленно, спокойно — и посмотрел прямо на Маркуса. Не сквозь него, не в пространство. Прямо на него — будто видел, будто знал, будто ждал этого момента двадцать лет.

— Если ты это видишь... — тихо произнёс он, и в лаборатории никто не отреагировал, будто слова предназначались только Маркусу. — Значит, они проиграли.

— Кто ты? — сорвался вопрос у Маркуса.

— Не верь тому, что тебе покажут дальше.

Лаборатория дрогнула, свет мигнул, по мониторам побежали красные сигналы тревоги.

— Мы теряем контроль! — закричал кто-то.

— Остановить процесс!

— Уже невозможно! Слишком поздно!

Сирены заполнили помещение, красный свет залил стены. Молодой человек продолжал сидеть неподвижно, глаза не отрывались от Маркуса. Кто-то произнёс: «Подготовьте субъекта...» — последнее слово утонуло в вое сирен, будто память сама не позволила ему прозвучать. Мир начал разрушаться, стекло покрывалось трещинами, свет исчезал, лица растворялись. Последним, что увидел Маркус, были глаза молодого человека.

Он резко проснулся, судорожно вдохнул, сердце колотилось так сильно, будто хотело вырваться из груди, лоб покрыт холодным потом. Комната тонула в предрассветном сумраке, камин почти погас. Клэр всё ещё спала. София сидела у окна — но смотрела не в лес, а на монитор, и на её лице читалось очень плохое напряжение.

— Что случилось?

Она молча указала на экран. Маркус подошёл — и почувствовал, как кровь стынет в жилах. На мониторе горело новое сообщение: «ОН НАШЁЛ ВАС».

Тишина. А затем где-то далеко, за холмами, прогремел мощный взрыв, такой, что задрожали окна. Все в доме мгновенно проснулись. Человек вне списка выскочил из соседней комнаты, Клэр вскочила с оружием в руках, София уже смотрела в сторону далёкой вспышки над лесом. Никто из них ещё не знал, что именно взорвалось. Но каждый понял одно: первый шаг уже сделан. Игра вступила в новую фазу.

Глава 5. Охотник

За шесть часов до взрыва.

Дом стоял на берегу озера — без адреса, без почтового ящика, без следов жизни. Со спутника выглядел заброшенным, с дороги был невидим за густым лесом. Именно поэтому Лукас Вейн выбрал это место три года назад: не потому, что удобное, а потому, что не существовало — по крайней мере, для большинства людей. Внутри было почти пусто: стол, два стула, кровать, металлический шкаф, ни одной фотографии, ни одного сувенира. Люди оставляют память в вещах — Лукас давно избавился от этой привычки. Память мешала работе.

На столе лежала разобранная винтовка. Он методично чистил детали, как всегда после задания — без спешки, без эмоций, без мыслей, так казалось со стороны. На самом деле Лукас думал постоянно, и именно поэтому до сих пор был жив: большинство убийц гибнет не из-за ошибок в стрельбе, а потому что перестают задавать вопросы. Он вопросов не боялся. Он боялся ответов.

Рядом с винтовкой легла тонкая чёрная папка — курьер оставил её час назад, без слов и подписи. Лукас закончил чистить затвор и только потом открыл её. На первой странице — фотография: мужчина, сорок лет, тёмные волосы, спокойный взгляд, слишком обычное лицо. Подпись: МАРКУС ХЕЙЛ.

Дальше — биография, образование, психологические оценки, налоговые декларации, перелёты, контакты, медицинские записи. Всё выглядело идеально. Именно это сразу не понравилось: идеальных досье не бывает, любой человек оставляет следы, ошибки, неловкости. Здесь их не было — будто кто-то специально вычистил всё лишнее.

Он вернулся к фотографии. Обычный аналитик, никаких военных навыков, никакого влияния. Таких не устраняют через его уровень допуска — для этого есть десятки способов дешевле и тише.

Он закрыл папку, взял спутниковый телефон, набрал номер по памяти. После второго сигнала связь установилась.

— Это Вейн.

Молчание.

— Пакет получен.

— Подтверждаю, — голос на линии был знакомым, холодным, безупречно контролируемым.

— У меня вопрос. Почему аналитик?

— Приказ подтверждён.

— Это не ответ.

— Другого нет.

— Мне нужен.

Пауза стала длиннее.

— Устранить объект.

— Кто он такой?

— Не относится к операции.

— Относится.

Он чувствовал, что собеседник начинает раздражаться — редкое явление, ещё один тревожный сигнал.

— Выполняйте задание.

— Кто санкционировал приказ?

Пауза — короткая, но достаточная. Иногда молчание сообщает больше, чем слова.

— Приказ имеет высший приоритет.

— Кто подписант?

На этот раз ответ прозвучал сразу:

— Ричард Кейн.

Связь оборвалась. Лукас медленно опустил телефон. Ричард Кейн. Это объясняло многое — и одновременно ничего. Он знал Кейна почти двадцать лет, профессионально, не лично. Кейн не был человеком импульсивных решений — если он отдавал приказ такого уровня, значит, видел угрозу. Вопрос — какую угрозу может представлять аналитик?

Он снова открыл папку — на этот раз не как исполнитель, а как следователь. Страница за страницей, факт за фактом. Через двадцать минут нашёл первую странность, через сорок — вторую, через час — третью. Маркус Хейл существовал слишком правильно — школа, университет, работа, повышения, переезды, всё логично, даже слишком логично, будто кто-то заранее рассчитал оптимальную человеческую жизнь.

Он подключил отдельный, незарегистрированный терминал, ввёл имя — MARCUS HALE. Тысячи результатов; он начал отсекал лишнее — год рождения, семью, финансы, старые медицинские базы, — пока не наткнулся на запись, которой не должно было существовать: старую, повреждённую, частично удалённую, датированную двадцатью годами ранее. Почти весь текст был заменён пустыми блоками, но одна строка сохранилась: «Количество детей: 2».

Лукас нахмурился. В официальных документах значился один ребёнок — всегда только Маркус. Он открыл ещё архив, потом ещё — большинство было качественно очищено, работой профессионалов. Но чем больше данных удаляют, тем заметнее сам факт удаления. Через полчаса он понял главное: второй ребёнок действительно существовал. Женщина. Сестра. Все упоминания уничтожены, все следы стёрты — но не идеально. Где-то остались хвосты, обрывки, из которых он собрал одну фамилию. Люди не стирают родственников из государственных архивов без очень серьёзной причины. Особенно детей. Особенно полностью.

Он снова посмотрел на фотографию Маркуса — обычное лицо, обычная жизнь, обычная биография. Ложь. Всё это начинало пахнуть очень большой ложью. И в этот момент экран компьютера мигнул — раз, другой, хотя эта машина никогда не подключалась к внешним сетям. Никогда. На чёрном поле появилось одно слово: NULL.

Лукас медленно поднялся. Он не испугался — давно разучился, — но внутри шевельнулось забытое ощущение: предчувствие беды. Появилась новая строка: «НЕ БЕРИСЬ ЗА ЭТУ РАБОТУ». Он смотрел несколько секунд, потом впервые за много лет улыбнулся — слабо и нехорошо.

— Поздно.

Он не знал, кому отвечает — компьютеру, программе, призраку или кому-то более реальному. Экран помолчал и вывел новое сообщение, от которого улыбка исчезла: «ТЫ УЖЕ ОПАЗДЫВАЕШЬ НА ДВАДЦАТЬ ЛЕТ». Не девятнадцать, не двадцать один — именно двадцать. Слишком точное, слишком знакомое число. Он закрыл ноутбук — сообщение осталось. Значит, не сбой. Кто-то действительно находился внутри системы. Он отключил питание — экран снова загорелся сам, без электричества.

Лукас спокойно достал пистолет и положил рядом с клавиатурой — не для того, чтобы стрелять в компьютер, просто старая привычка: когда ситуация непонятна, оружие должно быть под рукой. Появилась новая строка: «ОН НЕ ТОТ, КЕМ СЕБЯ СЧИТАЕТ».

— Это я уже понял.

— НЕТ. ТЫ НЕ ПОНЯЛ.

Он не любил вещи, которые нельзя проверить, и достал из ящика тонкую металлическую коробку — старый накопитель, один из немногих предметов, которые хранил годами: фрагменты архива операции «Янус», уцелевшие после зачистки. Он искал конкретную дату — ту самую ночь двадцать лет назад — и нашёл документ: «ОТЧЁТ 4-17. Статус: удалён». Большая часть текста отсутствовала, но несколько строк сохранились: «Эксперимент прекращён. Объ-

ект утратил управляемость. Рекомендуется немедленная ликвидация всех носителей». Носителей. Множественное число.

Поверх документа появилась новая строка NULL: «ТЕПЕРЬ ТЫ ПОНИМАЕШЬ». Он действительно начинал понимать — не всё, лишь часть, но и этого хватало. Если существовал один носитель — можно предположить ошибку. Если несколько — речь идёт о системе, о проекте, о чём-то, спланированном заранее. Он вернулся к фотографии Маркуса и впервые задал вопрос, которого раньше не возникало: а что если цель не Маркус? Что если Маркус — всего лишь ключ?

На столе завибрировал защищённый телефон — линия экстренной связи с очень ограниченным кругом абонентов. Он ответил сразу.

— Да.

— Агент Вейн, — женский голос, молодой, идеально контролируемый.

— Кто говорит?

— Неважно.

— Для меня важно.

— Придётся смириться.

Он слегка улыбнулся — женщина умела разговаривать.

— Слушаю.

— Ваш статус?

— Работа выполняется.

— Недостаточно быстро. Время закончилось.

— Что изменилось?

Короткая пауза.

— Объект начал вспоминать.

Улыбка исчезла.

— Откуда информация?

— Подтверждено.

— Кем?

— Неважно.

— Для меня важно всё.

На этот раз женщина не стала спорить.

— Тогда запомните. Если Маркус Хейл достигнет комплекса «Гелиос», операция будет считаться проваленной.

— Настолько серьёзно?

— Хуже. Там находятся ответы.

— Какие?

Она впервые замолчала дольше обычного, и когда заговорила снова, голос стал тише:

— Те, которые никто не должен слышать.

Связь оборвалась. Лукас положил телефон на стол. За окном начинался рассвет — серое небо над озером, граница между ночью и утром. Он вернулся к папке: фотография, биография, сестра, удалённые архивы, NULL, Гелиос. Слишком много совпадений. Профессионалы не верят в совпадения — они знают, что совпадение это просто информация, смысл которой пока не понят.

Он достал фотографию Маркуса, перевернул и карандашом написал на обороте: «Найти раньше Гелиоса». Первое нарушение протокола — он никогда не забирал фотографии целей с собой. Правила начинали трещать. А когда трещат правила, скоро начинает рушиться система. Где-то глубоко внутри он уже понимал: эта операция переставала быть охотой и превращалась в расследование — самый опасный вид работы из всех.

Он не любил расследования. Расследование означало неизвестность, неизвестность — ошибки, ошибки — смерть. Всю карьеру он держался простого правила: получить цель, подтвердить, устранить, уйти. Без вопросов, без эмоций, без интереса — интерес убивал быстрее пули.

Он взял ручку и чистый лист. Посередине написал МАРКУС ХЕЙЛ, ниже провёл линии к именам: РИЧАРД КЕЙН — заказчик или человек, подписавший приказ, не одно и то же, вопросительный знак; NULL — неклассифицируемо, вопросительный знак; ГЕЛИОС — объект, место, ключ; и, после короткого колебания, ПЕРВЫЙ. Рука на мгновение замерла — он никогда не встречался с этим человеком, но само слово вызывало старое, почти забытое ощущение, как запах дыма спустя годы после пожара.

Телефон снова завибрировал — очень редкое имя на экране: ДЖОНАТАН РИД.

— Не ожидал вашего звонка.

— Взаимно, — голос Рида был слишком спокойным, так говорят люди, скрывающие ярость.

— Проблемы?

— Пока нет.

— Тогда будут.

— Обычно это моя реплика, — усмехнулся Лукас.

Молчание. Потом:

— Где ты сейчас?

— Далеко.

— Недостаточно далеко. Любопытно — вы нервничаете.

Короткая пауза — но она была.

— Мне платят за осторожность.

— Нет. Осторожность звучит иначе.

Лукас смотрел на серое неподвижное озеро и ждал. Наконец Рид заговорил:

— Ты должен закончить работу.

— Уже второй человек за ночь говорит мне то же самое.

— И оба правы.

— Возможно.

— Никаких возможно. Объясните, почему он важен.

— Не могу.

— Или не хотите?

— Не могу.

Лукас невольно вспомнил похожий разговор с Человеком вне списка много лет назад — тот тоже однажды сказал «не могу», и это оказалось очень дорогой правдой.

— Он опасен?

— Да.

— Для кого?

Рид не ответил — и это было ответом.

— Значит, не для людей.

— Ты начинаешь задавать неправильные вопросы, — тихо сказал Рид.

— Обычно это означает, что я приближаюсь к правильным ответам.

Связь оборвалась без прощания. Лукас добавил имя Рида к схеме, соединил его линией с Кейном, потом с Гелиосом — и заметил странность: все нити вели к Маркусу, но сам Маркус никуда не вёл. Центр конструкции, но не её создатель. Он видел такое раньше, много лет назад — разведки охотились за математиком, случайно открывшим способ расшифровки стратегических каналов, сам о том не подозревавшим; десятки людей погибли, пытаясь до него

добраться. Человек, не знающий собственной ценности, — самая опасная разновидность цели, потому что совершает непредсказуемые поступки.

Ноутбук мигнул снова — без предупреждения, будто присутствие NULL становилось привычным. Это понравилось ему ещё меньше. Новое сообщение: «ОН ТЕБЯ ИСПОЛЬЗУЕТ».

— Кто?

— КЕЙН.

— Не новость.

— НЕТ. ТЫ НЕ ПОНИМАЕШЬ.

— Тогда объясни.

— КЕЙН БОИТСЯ НЕ МАРКУСА. КЕЙН БОИТСЯ ТОГО, ЧТО МАРКУС МОЖЕТ ВСПОМНИТЬ.

Он долго смотрел на эти слова, потом на папку, на фотографию, на имя — и понял, что впервые за много лет его интересует не способ ликвидации, а сама цель. Опасно. Именно так люди начинают переходить на другую сторону — не из-за денег, не из-за идеологии, а из-за правды. А правда, как он давно усвоил, убивает эффективнее пули.

Утро окончательно наступило. Лукас не спал почти тридцать часов, но усталости не чувствовал — организм устаёт, инстинкты никогда. А сейчас инстинкты кричали. Он снова посмотрел на схему: Маркус, Кейн, Рид, Гелиос, NULL, Первый — каждое имя отдельная проблема, вместе образующая систему. Системы создаются с целью — вопрос лишь чьей.

Он подошёл к металлическому шкафу, открыл его — документы, наличные, поддельные паспорта, оружие, и небольшая пластиковая коробка со старыми, пожелтевшими фотографиями, сделанными больше двадцати лет назад. Он редко позволял себе возвращаться в прошлое — оно всегда требовало платы, — но сейчас нужен был ответ. Балканы, Ближний Восток, Южная Америка — лица людей, которых он устранил, лица людей, пытавшихся устранить его. Наконец нашёл снимок, который искал: чёрно-белый, плохого качества — молодой мужчина выходит из исследовательского центра, охрана, автомобиля. На заднем плане — совсем молодой Ричард Кейн, а рядом ещё один человек. На обороте — старая надпись его собственной рукой: «Объект отказался сотрудничать. Ликвидация отменена».

Это было странно. Он редко отменял операции и ещё реже забывал причины — но сейчас не мог вспомнить ни имени объекта, ни сути задания. Только смутное ощущение чего-то важного, связанного с Кейном. Он снова посмотрел на лицо — знакомое, отдельными чертами: линия подбородка, форма глаз, улыбка. Словно видел похожего человека совсем недавно. Он положил рядом фотографию Маркуса. Не один и тот же человек — но связь определённо существовала. Слабое, почти незаметное семейное сходство, однако достаточно явное для профессионального наблюдателя.

Ноутбук снова ожил: «ТЫ НАЧИНАЕШЬ ВИДЕТЬ».

— Тогда помоги мне увидеть больше.

Ответ появился не сразу — впервые казалось, что NULL колеблется.

— ТЫ ЗНАЕШЬ ЧЕЛОВЕКА НА ФОТОГРАФИИ.

— Имя.

— НЕ МОГУ.

— Почему?

— ПОТОМУ ЧТО ТЫ ЕГО УБИЛ.

Тишина. Лукас замер — не испугался, не удивился, но впервые за ночь почувствовал настоящий удар. Потому что память молчала, а его память почти никогда не молчала. Сотни лиц, сотни операций, сотни смертей — но этот человек выпадал из неё, как вырезанный фрагмент плёнки.

— Нет.

— ДА.

— Тогда почему я не помню?

Долгая пауза.

— ПОТОМУ ЧТО ТЫ НЕ ДОЛЖЕН ПОМНИТЬ.

Внутри начала расти злость — самая холодная её разновидность. Он ненавидел, когда им манипулировали, особенно когда манипуляции касались его собственной памяти. Кто-то стёр воспоминание — или попытался, и сам этот факт означал уровень игры, о котором он не подозревал. Лукас Вейн не любил быть пешкой.

Он закрыл ноутбук — на этот раз окончательно, — собрал сумку: оружие, документы, запасные телефоны, деньги. Оставаться здесь больше не имело смысла. След вёл к Маркусу, к Гелиосу, к правде. Формально приказ оставался в силе, формально Кейн оставался заказчиком — но внутри произошло почти незаметное, опасное смещение. Теперь он охотился не только на человека. Он охотился на секрет. А секреты опаснее людей: человек может умереть, секрет продолжает жить.

Он вышел на крыльцо. Утро было холодным, над озером висел туман. Внедорожник завёлся с первого раза; он сел за руль — и в этот момент зазвонил ещё один телефон. Неофициальный. Номер знали двое на планете, один умер восемь лет назад. Значит, оставался только второй. На экране высветилось одно имя: ЭММА КАРТЕР.

Он смотрел несколько секунд, пока телефон звонил. Этот номер не существовал ни в одном официальном реестре — его не знали заказчики, посредники, даже некоторые люди, работавшие с ним годами. И уж точно не должна была знать Эмма Картер. Он ответил на четвёртом сигнале.

— Слушаю.

Тишина, потом женский голос — спокойный, собранный, с напряжением под контролем.

— Значит, номер настоящий.

— Откуда он у тебя?

— Хороший вопрос.

— Я задал его первым.

— А я не собираюсь отвечать первой.

Уголок его губ слегка дрогнул — редкое качество. Большинство людей рядом с ним начинали нервничать через несколько секунд разговора. Эмма не нервничала.

— Кто тебе дал номер?

— Человек, который сейчас уже мёртв.

— Имя.

— Нет.

— Тогда зачем звонишь?

— Потому что кто-то пытается убить Маркуса. И я хочу понять почему.

Интересно — большинство людей спросили бы «кто пытается его убить», а Эмма уже знала, что попытка есть, и спрашивала о причине. Профессиональный вопрос. Опасный.

— Почему решила, что я знаю ответ?

— Потому что ты Лукас Вейн.

Немногие произносили его имя таким тоном — без страха, без восхищения, как простой факт.

— Ты проделала большую работу.

— Не такую, как ты думаешь.

Если она добралась до этого телефона сравнительно легко, значит либо она сильнее, чем кажется, либо кто-то её направляет. Оба варианта плохие.

— Где Маркус?

— Если бы я знала, я бы не звонила тебе.

Логично — она не пыталась вытянуть информацию напрямую, разговаривала как профессионал.

— Тогда что тебе нужно?

— Правда.

— Сейчас дефицит.

— Поэтому я и позвонила.

Более длинная пауза — она что-то взвешивала.

— Я нашла старый файл. Двадцатилетней давности. В нём три имени: Майкл Хейл. Ричард Кейн. И ты.

Лукас медленно сел обратно в машину, пальцы крепче сжали телефон.

— Продолжай.

— Файл относится к операции, которой официально не существовало. В нём список ликвидаций. Напротив одной фамилии стоит отметка: «Отменено по личному распоряжению исполнителя».

Он замер, на мгновение перестав дышать — именно такую надпись он видел этим утром на обороте старой фотографии. Только Эмма никак не могла об этом знать.

— Откуда у тебя этот файл?

— Неважно.

— Очень важно.

— Тогда мы оба останемся без ответов.

Умная. Слишком умная — он вдруг понял, почему Рид так долго держал её при себе: не потому что доверял, а потому что хотел контролировать, пока она не начнёт задавать неправильные вопросы.

— Кто был целью?

— Имя удалено. Но рядом с удалённой строкой стоит другое.

— Чьё?

— Маркус Хейл.

Мир стал чуть тише. Двадцать лет, удалённые архивы, стёртая сестра, JANUS, Гелиос, Маркус, отменённая ликвидация — слишком много совпадений, слишком много следов одной истории.

— Эмма. Если хочешь жить, прекрати копать в этих архивах.

— Поздний совет. Потому что кто-то уже начал копать во мне.

Он мгновенно насторожился.

— Объясни.

— Вчера ночью кто-то вошёл в мою квартиру.

— Что украли?

— Ничего.

Худший из возможных ответов — профессионал никогда не приходит просто так, если ничего не украдено, значит, целью было сообщение.

— Что оставили?

Молчание почти пять секунд.

— Фотографию. Моей семьи.

Что-то внутри холодно сжалось.

— И что на ней?

— На обратной стороне надпись, — голос впервые дрогнул, совсем немного, но он это услышал. — «Следующей будет сестра».

Лукас закрыл глаза на секунду. Когда открыл снова, решение уже было принято — потому что теперь охота перестала быть обычной операцией. Кто-то начал давить на свидетелей, зачищать следы, и время действительно заканчивалось.

— Ты рассказала кому-нибудь?

— Нет.

— Хорошо.

— Почему хорошо?

— Потому что тогда список живых людей был бы длиннее.

Эмма не ответила — похоже, сама пришла к такому выводу. Прошло меньше суток с первой попытки устранения Маркуса, а ситуация уже разваливалась слишком быстро. Кейн всегда строил операции медленно, аккуратно, с многократной страховкой. Сейчас кто-то нервничал. И чем больше Лукас думал об этом, тем меньше верил, что нервничает Кейн — тот был опасен, жесток, безжалостен, но паника никогда не входила в число его недостатков. Значит, существовал кто-то ещё. Выше. Или старше. Тот, кого боялся даже Кейн.

— Лукас? Ты ещё здесь?

— Пока да.

— Ты собираешься убить Маркуса?

Прямой вопрос, без манёвров. Он поймал себя на том, что смотрит не на дорогу, а на собственное отражение в боковом зеркале — и у него не нашлось мгновенного ответа, хотя раньше находился всегда.

— Не знаю.

Тишина, потом тихо:

— Значит, всё ещё хуже, чем я думала.

Связь оборвалась раньше, чем он успел ответить. Лукас завёл двигатель. Мысли двинулись в непривычном направлении: Эмма, сестра, удалённые архивы, отменённая операция, Маркус — всегда Маркус, будто вокруг этого имени искривлялось пространство.

Через двадцать минут произошло ещё одно событие, окончательно убедившее его, что операция вышла из-под контроля. Зазвонил спутниковый телефон высшего приоритета — на дисплее только код, без имени.

— Вейн.

Несколько секунд тишины, потом голос — очень старый, очень спокойный, как у самых опасных людей.

— Доброе утро, Лукас.

Голос он не узнал — а такое случалось редко.

— Кто это?

— Друг.

— У меня нет друзей.

— Именно поэтому ты до сих пор жив.

— Что вам нужно?

— Ты отклонился от маршрута.

— Следите за мной?

— Конечно.

— Тогда разговор окончен.

— Не спеши. Ты ищешь ответы.

— Возможно.

— Плохая идея. Для всех.

— Обычно так говорят люди, которым есть что скрывать.

— Обычно да. А сейчас я говорю как человек, который видел конец этой истории.

Эта фраза зацепила его сильнее, чем он ожидал.

— Кто вы?

Старик проигнорировал вопрос.

— Маркус Хейл не должен попасть в Гелиос.

— Почему?

— Некоторые двери нельзя открывать.

— Тогда зачем вы мне звоните?

— Потому что ты уже не выполняешь приказ. Ты уже начал расследование.

И Вейн понял, что незнакомец прав — охотник ищет цель, а он искал ответы. Принципиальная разница.

— Кто вы?

На этот раз старик ответил — не полностью, но достаточно:

— Один из тех, кто создавал JANUS.

Лукас резко выпрямился, пальцы крепче сжали руль.

— Невозможно. Все создатели либо мертвы, либо исчезли.

— Почти все.

— Докажите.

Старик тихо рассмеялся.

— В архиве, который ты открыл этим утром, отсутствует страница восемнадцать. На ней была фотография. Четверо учёных и один ребёнок.

Сердце ударило сильнее.

— Кто ребёнок?

Долгая пауза, будто старик принимал решение.

— Не Маркус.

Связь оборвалась. Лукас держал телефон у уха ещё несколько секунд, потом медленно опустил руку. Впереди дорога, справа река, слева лес — обычное утро. Но внутри что-то окончательно изменилось: впервые за двадцать лет он столкнулся с тайной старше самой операции.

Он съехал с моста, остановил машину на обочине — не от потрясения, оно мешает думать, а чтобы подумать. Заглушил двигатель, открыл окно. В его профессии действовало правило: если информация меняет картину мира — не двигайся, сначала проверь информацию, потом картину, и только потом двигайся дальше. Пока картина менялась слишком быстро. Он достал блокнот и написал: КТО БЫЛ РЕБЁНКОМ? ПОЧЕМУ НЕ МАРКУС? КОГО НА САМОМ ДЕЛЕ БОЯТСЯ? Последний вопрос он обвёл дважды — потому что тот постепенно становился главным. Не Маркус, не Гелиос, не Первый. Страх. Вся операция строилась вокруг чьего-то страха, а страх высокопоставленных людей всегда указывает направление расследования.

Он убрал блокнот и снова тронулся в путь.

В это же время, в сотнях километров, в одном из правительственных зданий Вашингтона Джонатан Рид смотрел на монитор и чувствовал, как впервые за много лет теряет контроль. Красная линия маршрута Лукаса двигалась не туда. Двое сотрудников в кабинете не решались заговорить — они видели выражение его лица.

— Подтверждение, — произнёс он.

— Да, сэр, — вздрогнул аналитик.

— Он сменил направление? Когда?

— Двадцать семь минут назад.

Рид перевёл взгляд на другую часть экрана — там отображались несанкционированные запросы: старые архивы, удалённые данные, JANUS, Гелиос, ликвидации двадцатилетней давности. Кто-то начал копать. Очень глубоко.

— Кто ещё получил доступ?

Аналитик проверил, побледнел, проверил снова.

— Это невозможно.

— Меня не интересует невозможное.

— Доступ осуществлялся одновременно с восемью разными узлов. Идентификация невозможна, потому что все восемь принадлежат людям, которые официально мертвы.

Тишина. Рид узнал троих лично — сам подписывал документы после их ликвидации. Мёртвые не входят в систему, не скачивают архивы, не интересуются JANUS. Только один человек мог организовать нечто подобное. И впервые за много лет Джонатан Рид почувствовал настоящий страх.

— Он вернулся, — прошептал он, обращаясь не к аналитику, а к себе.

Зазвонил защищённый телефон. Ричард Кейн.

— Да.

— Я получил отчёт, — голос звучал жёстко. — Вейн вышел из-под контроля.

— Пока нет.

— Джонатан. Не лги мне. Он начал задавать вопросы. Ищет архивы. Контактничал с неизвестными абонентами.

— Да.

— Тогда он уже вышел из-под контроля. Устрани его.

Долгая тишина.

— Что?

— Ты меня слышал.

— Лукас нужен нам. Он лучший.

— Именно поэтому.

Рид почувствовал неприятный холод, понимая логику Кейна: лучший охотник становится самой опасной угрозой, когда перестаёт подчиняться.

— Это приказ? Подтверждённый?

— Подтверждённый.

Связь оборвалась. Рид остался у окна, между двух огней: с одной стороны Маркус Хейл, человек, который начинал вспоминать, с другой — Лукас Вейн, человек, который начинал понимать. Вспоминающий опасен. Понимающий смертелен. А где-то впереди обоих ждал Гелиос — место, которое никогда не должно было снова появиться на картах мира.

Приказ Кейна был предельно ясен. Пять лет назад Рид выполнил бы его без колебаний. Даже год назад. Но сейчас слишком много старых призраков начали возвращаться, и хуже всего — некоторые из них никогда не умирали.

Он вернулся к столу, открыл особый архив — неофициальный, скрытый даже от большинства руководителей, — ввёл код без колебаний. Появилась надпись: ПРОТОКОЛ ZERO. Он не открывал этот раздел почти двадцать лет — не потому что не хотел, а потому что обещал себе никогда туда не возвращаться. Сохранился один файл: старая размытая фотография внутри лаборатории — пятеро взрослых и ребёнок. Взгляд неизбежно останавливался на ребёнке, смотревшем прямо в объектив спокойно, без страха, будто понимавшем гораздо больше, чем должен понимать ребёнок.

Он закрыл фотографию — не время — и открыл отчёты последних суток. Имя Эммы Картер появилось в системе третий раз за ночь. Он нажал кнопку внутренней связи.

— Соедините меня с Картер.

Через несколько секунд знакомый голос:

— Доброе утро.

— Для кого как. Ты проверяла архивы.

— Возможно.

— Не играй со мной.

— Тогда не начинай с обвинений.

— Что ты искала?

— Правду.

- Опять это слово.
- Оно всё ещё существует.
- Не всегда.
- Значит, кто-то её прячет.

Она задавала правильные вопросы — а правильные вопросы сейчас были опаснее оружия.

- Немедленно прекрати расследование.
- Нет.

Простой ответ, который меняет судьбы.

- Ты не понимаешь, во что ввязалась.
- Тогда объясни.
- Не могу.
- Вот именно.

Та же ловушка — каждый раз, когда кто-то приближался к правде, он говорил одно и то же: не могу, не имею права, не сейчас. А потом люди начинали искать ответы сами, и это всегда заканчивалось плохо.

- Где Маркус?
- Не знаю.

Она солгала — очень хорошо, но недостаточно, он работал с ней слишком долго.

- Не лги мне.
- Тогда не лги мне.

Несколько секунд молчания.

— Если найдёшь его раньше остальных, держи подальше от Гелиоса, — сказал он и тут же понял ошибку.

- Значит, Гелиос существует.
- Я этого не говорил.
- Сказал достаточно.
- Забудь это слово.
- Уже поздно.

Связь оборвалась — на этот раз первой отключилась Эмма. Рид посмотрел на фотографию ребёнка, на старую лабораторию. В этот момент дверь открылась — бледный, напряжённый аналитик.

- Сэр. Мы нашли источник одного из несанкционированных подключений.
- Кто?

— Не кто. Откуда. — Он посмотрел на распечатку. — Комплекс Гелиос.

Тишина такая, что Рид услышал собственное дыхание.

— Это невозможно. Комплекс закрыт двадцать лет. Там никого нет.

Аналитик не ответил — цифры на экране говорили обратное. Кто-то вошёл в систему из места, которое официально не существовало, из могилы. И впервые Рид почувствовал не просто страх — ужас: если сигнал действительно пришёл из Гелиоса, значит, кто-то ждал там все эти годы. Терпеливо. Молча. Именно этого момента.

— Покажите.

Аналитик открыл отчёт — карта, красная отметка, координаты, временная метка, всё выглядело безупречно. Слишком безупречно.

- Подделка?
 - Мы проверили трижды.
 - Ещё раз.
- Через минуту:
- Результат тот же.

Сигнал пришёл не рядом, не через ретранслятор — именно из сердца комплекса, из сектора, запечатанного двадцать лет назад. Рид сел, потёр переносицу — и в памяти всплыло непрошеное, но очень яркое воспоминание.

Двадцать лет назад. Гелиос. Последняя ночь. Сирены были по всему комплексу, красный свет мигал в коридорах, военные бегали между секторами, учёные кричали друг на друга. Молодой Джонатан Рид стоял перед гермодверью — по другую сторону находился главный исследовательский сектор, где всё началось и всё вышло из-под контроля.

— Мы теряем объект!

— Тогда закройте сектор!

— Там ещё люди!

— Джонатан! — тот голос он помнил очень хорошо: Майкл Хейл, измождённый, почти сломленный, но всё ещё пытавшийся спасти ситуацию. — Если закроем двери, они останутся внутри!

— Иначе погибнут все!

Он помнил собственный ответ — слышал его тысячи раз во сне.

— Закройте сектор.

Гермодвери начали двигаться, медленно, с тяжёлым гулом. Кто-то кричал, кто-то бежал к выходу, кто-то стучал по стеклу. Потом двери сомкнулись. Навсегда — так тогда казалось.

Рид резко открыл глаза — кабинет, мониторы, настоящее. Он посмотрел на красную точку Гелиоса и впервые допустил мысль, которую раньше счёл бы безумием: а что если двери не удержали то, что находилось внутри? От этой мысли стало по-настоящему холодно.

Он подошёл к сейфу, достал тонкую чёрную папку без маркировки — самую секретную из всех, что хранил. Внутри — один лист, одна фотография, один приказ. Фотографию он уже видел сегодня. Приказ был подписан не Кейном, не им самим, не Майклом Хейлом. Подпись принадлежала человеку, которого давно считали мёртвым: ЧАРЛЬЗ УИТМОР.

Он набрал личный старый номер Кейна, которым пользовался только в крайнем случае.

— Да.

— У нас проблема. Гелиос. Мы получили сигнал. Изнутри комплекса.

Долгая тяжёлая тишина.

— Ты уверен?

— Абсолютно.

— Кто ещё знает?

— Пока только я.

— Хорошо.

— Нет, Ричард. Совсем не хорошо.

Молчание Кейна говорило больше любых слов — он редко терял самообладание, но сейчас тоже испугался.

— Если это правда... тогда он жив.

— Кто?

Пауза почти десять секунд.

— Первый субъект.

По спине Рида пробежал холод — именно этих слов он боялся услышать больше всего.

— Это невозможно.

— Мы уже проходили этот разговор двадцать лет назад.

— Он погиб. Комплекс уничтожили. Все отчёты подтверждали ликвидацию.

— Мы надеялись, — повторял Кейн каждый раз, и с каждым повторением становилось только страшнее. — Джонатан. Если сигнал действительно пришёл из Гелиоса, тогда всё гораздо хуже, чем Маркус Хейл.

Рид закрыл глаза — он уже сам начинал это понимать. Маркус был проблемой. Лукас — проблемой. Эмма — проблемой. Но все они могли оказаться лишь последствиями. Настоящая причина ждала двадцать лет в полной тишине под километрами бетона — ждала момента, когда кто-нибудь снова произнесёт слово ZERO.

Кейн держал трубку у уха ещё несколько секунд после того, как связь оборвалась, будто надеялся услышать что-то, что отменит услышанное. Таких слов не существовало.

Он остался один в большом кабинете с панорамными окнами — символами власти, к которым давно перестал приглядываться. Сейчас он не замечал ничего, кроме двух слов: Первый субъект. Именно они были причиной большинства его решений за последние двадцать лет.

Он подошёл к окну — внизу спешили люди, не подозревая, насколько хрупким бывает мир, и это было хорошо: некоторые вещи должны оставаться скрытыми. Возраст брал своё — седина, морщины, но сейчас беспокоило другое: он устал. Впервые за много лет по-настоящему устал. Борьба с врагом имеет смысл, борьба с ошибкой — нет. А всё происходящее начинало напоминать ошибку длиной в двадцать лет.

Он достал старый металлический ключ, пересёк кабинет, подошёл к книжному шкафу — одна из полок слегка утопала внутрь. Вставил ключ, повернул — часть стены отъехала, открыв комнату без окон с единственным старым сейфом, не подключённым ни к одной сети. Внутри — десятки папок, и среди них одна белая, без маркировки. Он достал её: фотография ребёнка, медицинские отчёты, результаты тестов, заключения специалистов — и последний лист, короткий, лаконичный, ужасающий: «ПРОГНОЗ: ПРИ УТРАТЕ КОНТРОЛЯ РИСК ГЛОБАЛЬНОГО СОБЫТИЯ — 87%».

Он закрыл глаза, вспоминая день, когда впервые увидел эту цифру — тогда она казалась абсурдной. Потом случился Гелиос, и абсурдной она быть перестала.

Внутренний телефон.

— Да.

— Сэр, прибыл директор Уитмор.

Рука замерла на мгновение.

— Кто?

— Директор Чарльз Уитмор ожидает вас.

Сотрудник явно ничего не понимал — Чарльз Уитмор официально умер пятнадцать лет назад, Кейн лично присутствовал на похоронах, лично видел тело.

— Проведите его.

Через три минуты дверь открылась. Высокий, стройный, седой, в безупречном костюме, с тем же спокойным взглядом человека, способного принимать чудовищные решения и спокойно пить после этого кофе.

— Здравствуй, Ричард.

Кейн молчал — иногда даже самые подготовленные люди оказываются бессильны перед реальностью.

— Ты выглядишь удивлённым.

— Ты мёртв.

— Как видишь, не совсем.

— Я присутствовал на похоронах. Я видел тело.

— Да.

— Тогда кто лежал в гробу?

— Правильнее спросить, зачем это понадобилось.

— Сигнал пришёл из Гелиоса, — сказал Кейн, и улыбка Уитмора мгновенно исчезла.

— Я знаю. Именно поэтому я здесь.

— Он жив?

Уитмор подошёл к окну, посмотрел на город.

— Не знаю.

— Это не ответ.

— Нет, Ричард. Это единственный честный ответ.

Впервые за весь разговор в его голосе прозвучала настоящая, двадцатилетняя усталость. Чарльз Уитмор никогда не признавался в незнании. Никогда.

— Тогда что происходит?

Уитмор подошёл к столу, посмотрел на открытую белую папку, на фотографию ребёнка.

— Происходит то, чего мы боялись двадцать лет. Кто-то начал собирать участников Нулевого протокола.

— Кто?

— Пока не знаю.

— Первый? Маркус? NULL?

Уитмор посмотрел на него особенно внимательно.

— Значит, ты уже слышал это имя.

Кейн ничего не ответил — сам не понимал, что такое NULL. Человек. Программа. Призрак. Легенда.

— Что такое NULL?

— Вопрос не в том, что такое NULL, — грустно усмехнулся Уитмор. — А в том, кто его создал.

Кейн почувствовал, как внутри всё напрягло — он уже догадывался об ответе и не хотел его слышать. Но Уитмор всё равно произнёс имя, не звучавшее вслух почти двадцать лет:

— Майкл Хейл.

В это же время, на другом конце страны, Маркус Хейл открывал дверь номера мотеля, ещё не подозревая, что прошлое его отца только что вернулось к жизни.

Он сразу понял, что в номер кто-то входил. Не из-за следов взлома — их не было. Не из-за пропавших вещей — все оставались на месте. Причина проще: он никогда не оставлял стул возле окна. Привычка — любой предмет рядом с окном ограничивает обзор. Теперь стул стоял у занавески, чуть сдвинутый вправо. Мелочь, которую заметит не каждый. Он заметил.

Он замер в дверях, не включая свет. Кровать, шкаф, стол, телевизор, ванная — всё выглядело нормально. Слишком нормально. Он осторожно прикрыл дверь, не защёлкивая замок — если придётся уходить быстро, лишняя секунда может стоить дорого.

Он подошёл к столу. Ноутбук лежал там же, закрытый, невредимый — но пыль на крышке нарушена едва заметным следом. Кто-то открывал компьютер совсем недавно. Знакомое напряжение, холодок в затылке. Он не был оперативником, не был агентом — но последние дни научили: если инстинкт говорит бежать, лучше бежать.

Он открыл ноутбук, ввёл пароль, проверил журнал событий. Тридцать семь минут назад кто-то работал с его файлами — смотрел документы, проверял архивы, открывал удалённые каталоги, а затем тщательно зачистил следы. Кроме одного. Папка ZERO снова была открыта.

Внутри — несколько повреждённых файлов, ничего нового. И всё же один выделялся: раньше его точно не было, название состояло из четырёх символов — NULL.

Сердце ударило сильнее. Он открыл файл — пустое белое окно, ни текста, ни изображений. Он уже собирался закрыть его, когда на экране начали появляться буквы — не печатный текст, а появляющиеся, будто кто-то набирал сообщение прямо сейчас. Первая строка: «ЕСЛИ ТЫ ЭТО ЧИТАЕШЬ — ВРЕМЯ ПОЧТИ ЗАКОНЧИЛОСЬ». По спине пробежал холод. Вторая: «НЕ ДОВЕРЯЙ РИДУ». Третья: «НЕ ДОВЕРЯЙ КЕЙНУ». После паузы — четвёртая: «НЕ ДОВЕРЯЙ ДАЖЕ ТЕМ, КТО ПЫТАЕТСЯ ТЕБЯ СПАСИ».

Маркус быстро напечатал: «Кто ты?»

— ПОЗЖЕ.

«Ты NULL?»

Пауза, потом: «ИНОГДА».

Ответ не имел смысла — именно поэтому казался правдивым. Люди обычно лгут логично, правда часто выглядит странно.

«Что такое ZERO?»

Ответ появился не сразу, будто собеседник колебался: «ЭТО НЕ ПРОЕКТ».

«Тогда что?»

«ZERO — ЭТО ПЛАН НА СЛУЧАЙ, ЕСЛИ ПЕРВЫЙ ВЫЙДЕТ ИЗ-ПОД КОНТРОЛЯ».

Маркус замер. Первый. Снова Первый.

«Кто такой Первый?»

Ответ не появился. Экран мигнул раз, другой — и связь оборвалась, файл закрылся сам собой. На мониторе осталась одна строка, крупная, красная: ТЕБЯ НАШЛИ.

В ту же секунду за окном вспыхнул яркий свет фар. Маркус инстинктивно бросился в сторону — мгновением позже стекло разлетелось на тысячи осколков, грохот выстрела пришёл с опозданием. Пуля пробила стену там, где секунду назад была его голова.

Он упал на пол, сердце бешено колотилось. Снаружи взвизгнули шины. Второй выстрел, второй фонтан осколков на ковёр. Он перекатился за кровать, дыхание рвалось из груди, но разум работал чётко: они нашли его снова. И на этот раз пришли не наблюдать.

Он выглянул из-за кровати. На парковке — чёрный внедорожник, тонированные стёкла, без номеров, двигатель работает. Возле машины двигалась фигура — спокойно, без суеты, без паники. Так двигаются профессионалы. Что-то в этой походке было знакомым — он видел её раньше, на записи камеры, на размытой фотографии после покушения. Лукас Вейн. Охотник снова вышел на след.

Маркус бросился к ванной — третий выстрел ударил в стену позади, облако белой пыли осыпало плечи. Он влетел внутрь, захлопнул дверь — бесполезно против профессионала, но выигрывающую секунду. Распахнул окно на технический проезд с другой стороны здания — контейнеры, старый фургон, пусто. Перелез через подоконник, прыгнул, колени болезненно согнулись — и побежал, не оглядываясь, между контейнерами, к служебному выходу. В голове одна мысль: выжить.

Позади шум — кто-то тоже двигался, быстро, уверенно, без паники. Он свернул за угол, поскользнулся на мокром асфальте, удержался, побежал дальше. Впереди дорога — двадцать метров, пятнадцать, десять. Выстрел — пуля ударила в металлический знак у головы, искры брызнули в темноту. Не попали. Странно — стрелок такого уровня уже должен был закончить работу.

Позади раздался другой звук — не выстрел. Крик, короткий и яростный, потом тяжёлый удар, будто столкнулись два человека. Маркус обернулся и увидел неожиданное: две фигуры боролись у внедорожника. Новый выстрел — но ствол смотрел не на него, вверх, в сторону, будто кто-то специально сбил прицел стрелку. Одна фигура рухнула на капот, вторая отшатнулась назад. Свет фар на секунду высветил лицо — Лукас Вейн, ошибки быть не могло. Но происходящее не имело смысла: Лукас атаковал стрелка, не помогал ему.

Маркус замер лишь на мгновение, потом инстинкт снова взял верх — рванул к дороге, пока они заняты друг другом. Позади снова шум борьбы, потом двигатель, потом скрежет шин. Он выскочил на шоссе, едва не попав под грузовик, водитель яростно нажал клаксон, но он даже не обернулся — перебежал дорогу, перемахнул через ограждение, скатился в придорожную канаву и только там позволил себе остановиться.

Дыхание рвалось из груди, сердце пыталось проломить рёбра. Он пытался понять происходящее — безуспешно. Лукас должен был убить его. Вместо этого напал на другого стрелка. Почему? Кто тогда пытался его устранить? Кто вошёл в номер? Кто предупредил через файл NULL? Слишком много вопросов, слишком мало ответов.

Он поднялся, осторожно выглянул из-за насыпи. Внедорожник исчез, фигур тоже не было — будто вся сцена существовала только в его воображении. Но разбитое окно на втором этаже доказывало обратное.

В кармане завибрировал телефон — номер отсутствовал, как обычно. Он ответил.

— Да.

Тишина, потом знакомый голос. Эмма.

— Ты жив, — это прозвучало не вопросом, а облегчением.

— Пока да.

— Тогда слушай внимательно.

— Откуда ты знаешь, что произошло?

— Я только что получила доступ к камерам мотеля. Некогда объяснять. Ты должен уехать. Немедленно.

— Уже уезжаю.

— Нет, ты не понял. Уехать далеко. Очень далеко.

— Почему?

Короткая пауза, потом слова, от которых кровь похолодела:

— Потому что тебя ищут уже не две группы. Теперь их три.

— Что?

— Я серьёзно.

— Кто третья группа?

— Не знаю.

— Рид? Кейн?

— Нет. Нет.

— Тогда кто?

Молчание оказалось страшнее любого ответа.

— Я не знаю, кто они. Но знаю, откуда они появились.

Внутри всё сжалось.

— Откуда?

Эмма сделала глубокий вдох.

— Гелиос.

Тишина. Даже ветер будто стих. Маркус стоял у дороги с телефоном в руке, глядя в темноту, и впервые за всё время понял простую вещь: он больше не убегал от заговора. Заговор начал убегать за ним. А где-то далеко Ричард Кейн, Джонатан Рид, Чарльз Уитмор и Лукас Вейн ещё не знали, что этой ночью игра окончательно изменилась — потому что из тени вышел новый игрок. Тот самый, ради которого двадцать лет назад был создан Нулевой протокол.

Глава 6. София

София Блейк ненавидела телефонные звонки после полуночи. Обычно они означали одно из двух: либо кто-то умер, либо скоро умрёт. Поэтому, когда защищённая линия ожила в три часа семнадцать минут ночи, она даже не удивилась — открыла глаза, несколько секунд смотрела в потолок, потом взяла трубку.

— Блейк.

— Мне нужна помощь, — голос Эммы, уставший, напряжённый, но живой. Уже неплохо. София села на кровати.

— Насколько незаконная?

— Очень.

— Насколько срочная?

— Если подождём до утра, может оказаться поздно.

София тяжело вздохнула — именно поэтому они когда-то подружились: Эмма никогда не тратила время на объяснения, сразу переходила к сути.

— Кто за тобой охотится?

— Не знаю.

— Сколько человек хотят тебя убить?

— Уже минимум три группы.

— Господи...

— Это ещё не плохая новость.

— Тогда какая?

Короткая пауза.

— Кто-то проник в архивы уровня ZERO.

София окончательно проснулась.

— Повтори.

— Ты всё услышала.

— Нет. Я надеюсь, что услышала неправильно.

— К сожалению, правильно.

— Где ты?

— В безопасном месте.

— Никогда не говори человеку из киберразведки фразу «безопасное место». Это почти всегда ложь.

Эмма невольно усмехнулась — первый признак того, что она ещё держится.

— Мне нужен доступ. Ко всему.

София закрыла глаза. Плохой ответ — за словами «ко всему» обычно следовали федеральные преступления, иногда международные.

— Рассказывай.

Следующие пятнадцать минут Эмма говорила без остановок и почти без эмоций — только факты: Маркус, Гелиос, NULL, Лукас Вейн, удалённые архивы, старые операции, Нулевой протокол. Чем дольше София слушала, тем сильнее менялось её лицо — история начинала выглядеть безумной, а самые опасные истории всегда выглядят безумными в самом начале.

Когда разговор закончился, она включила один компьютер, потом второй, потом третий.

— София? Ты ещё здесь?

— К сожалению. Думаю, кто-то очень богатый, очень влиятельный и очень напуганный пытается стереть собственное прошлое. И, судя по всему, мы ему мешаем.

Пальцы летали по клавиатуре — базы данных, серверы, архивные узлы, старые резервные хранилища. София принадлежала к той редкой категории специалистов, которых не заме-

чают, пока они не исчезают: лучшие хакеры редко выглядят как герои фильмов, чаще — как университетские преподаватели. Она выглядела именно так. Пока не начинала работать.

Через семь минут она нахмурилась. Через девять — выругалась. Через десять снова набрала Эмму.

— У нас проблема. Ты была права. Архивы исчезают. Очень быстро.

Данные буквально таяли на глазах — сотни файлов, тысячи записей. Кто-то удалял их прямо сейчас, в реальном времени.

— Это автоматическая очистка?

— Нет. Кто-то работает с другой стороны.

— Человек?

— Не знаю. Но кто бы это ни был, он знает систему почти так же хорошо, как я.

Тревожный знак — София редко признавала чьё-либо превосходство.

— Сможешь остановить?

— Нет. Если не можем остановить удаление — будем воровать быстрее.

Началась настоящая цифровая война: один файл исчезал наполовину скопированным, другой удалялся полностью, третий удавалось сохранить целиком. Экраны мелькали, процессоры работали на пределе, кофе остывал рядом с клавиатурой. Время превращалось в оружие.

София уже собиралась признать поражение, когда заметила странность: один каталог никто не трогал совсем, будто специально обходили стороной. Она увеличила изображение, проверила путь — и нахмурилась.

— Эмма. Кажется, я кое-что нашла. Не знаю что, но выглядит подозрительно.

Каталог оказался пуст — на первый взгляд, обычная служебная директория. Но интуиция кричала обратное. Она начала проверять скрытые атрибуты, вложенные ссылки, фантомные сектора — и сердце забилося быстрее: каталог был замаскирован, очень профессионально, очень дорого, технологией, использовавшейся ещё во времена, когда большинство современных аналитиков ходили в школу.

Она работала молча, осторожно, будто разминировала бомбу — примерно этим и занималась. Наконец защита поддалась, и на экране появилась одна скрытая папка. По спине пробежал холод: имя директории состояло из двух слов, уже успевших принести слишком много смертей.

ZERO PROTOCOL.

На другом конце Эмма молчала — они только что нашли дверь, и вопрос был уже не в том, что за ней, а готовы ли они её открыть.

— Ты зависла? — голос Эммы вывел её из задумчивости.

— Думаю.

— Плохой знак.

— Согласна.

Кто-то потратил огромные ресурсы, чтобы скрыть эту папку. Кто-то другой прямо сейчас удалял всё вокруг — но саму папку не трогал. Словно неприкосновенную.

— Открывай.

— Люблю твой оптимизм.

София нажала клавишу. Экран мигнул — на мгновение показалось, что связь оборвалась, — и появилось содержимое: всего три объекта. Текстовый файл. Архив. Видеозапись. Подозрительно скромно для проекта, из-за которого погибли десятки людей.

Она открыла текстовый документ первым. Заголовок: НУЛЕВОЙ ПРОТОКОЛ. Ниже — дата, двадцать один год назад, и список фамилий. Первая — Ричард Кейн. Вторая — Джонатан Рид. Третья — Майкл Хейл.

— Эмма. Здесь их имена. Основателей.

Дальше — Чарльз Уитмор, доктор Алан Грейсон, «неизвестно» — и последняя запись, зачёркнутая, будто кто-то попытался стереть её вручную. Сохранились лишь несколько букв: фамилия начиналась на «В».

— Последняя запись повреждена. Кто-то специально пытался стереть именно этого человека.

Она прокрутила текст дальше — короткий план действий, протоколы безопасности, процедуры ликвидации, а в конце строка, от которой сердце пропустило удар: «АКТИВАЦИЯ ПРОТОКОЛА ZERO ДОПУСКАЕТСЯ ТОЛЬКО В СЛУЧАЕ ПОТЕРИ КОНТРОЛЯ НАД ПЕРВЫМ СУБЪЕКТОМ».

— Первый субъект реален.

— Я уже догадалась.

— Нет. Ты не поняла. Это не легенда, не слух, не теория. Они действительно кого-то создали.

— Что значит создали?

Она не ответила сразу — сама не знала, и это пугало. Она закрыла текст, перешла к архиву, зашифрованному многоуровневым кодом — сложно, но не невозможно. Через несколько минут защита начала поддаваться, и София улыбнулась — профессиональная привычка любить сложные задачи, особенно когда кто-то уверен, что они нерешаемы.

Архив открылся — сотни снимков, документы, лабораторные журналы. Она быстро пролистывала материалы и вдруг остановилась на чёрно-белой фотографии — уже видела похожий снимок раньше. Пятеро взрослых, лаборатория, и ребёнок. Тот самый.

— Господи...

— Что случилось?

— Ребёнок из Гелиоса.

Она увеличила изображение максимально — лицо стало чуть чётче, и кровь отхлынула от её лица. Она уже видела это лицо. Много раз. Совсем недавно.

— Я знаю его.

— Опять?

— Да. — Она не могла заставить себя сразу произнести имя. — Если эта фотография настоящая, тогда Маркус Хейл — не первый человек из этой истории. Ребёнок на фотографии не Маркус.

— Тогда кто?

Она открыла рот, но ответить не успела: все три монитора одновременно погасли, будто выключили электричество. Через секунду экраны снова ожили — но вместо файлов появился чёрный фон с одной строкой белого текста.

«ВЫ НЕ ДОЛЖНЫ БЫЛИ ЭТО НАЙТИ».

Затем вторая: «ТЕПЕРЬ ОНИ ЗНАЮТ, ЧТО ВЫ ЗНАЕТЕ».

Никакой анимации, никакого адреса отправителя — просто текст на чёрном фоне, и именно это делало его зловещим.

— Скажи, что это ты, — потребовала Эмма.

— Хотела бы.

— Тогда кто это сделал?

София проверила логи, соединения, активные процессы — пусто. Кто-то вошёл в её сеть, оставил сообщение и исчез без следов. Такого не должно было быть.

Появилась третья строка: «ЗАКРОЙТЕ ПАПКУ». Эмма тихо выругалась. София неожиданно улыбнулась.

— Меня только что попытались напугать. Это всегда плохой способ убедить меня прекратить работу.

Она напечатала прямо поверх сообщения: «Кто ты?» Текст исчез, экран очистился, и появилась новая строка: «ПОКА НЕВАЖНО».

— Он отвечает.

«NULL?» — напечатала она.

Долгая необычная пауза. Ответ: «НЕТ».

— Тогда кто?

«ТОТ, КОГО ВЫ ИЩЕТЕ».

По комнате будто прошёл холодный ветер, хотя окна были закрыты.

— Эмма, мне начинает казаться, что я разговариваю не с программой.

«Кто такой Первый субъект?» — напечатала она.

«НЕ ТОТ, КЕМ ОНИ ЕГО СЧИТАЮТ».

«Кто «они»?»

«ВСЕ».

— Ненавижу загадки, — сказала она вслух и напечатала это же.

«Я ЗНАЮ», — появилось на экране.

«Тогда перестань говорить загадками».

Текст начал появляться медленно, слово за словом, будто собеседник тщательно подбирает формулировки: «ВЫ СМОТРИТЕ НЕ ТУДА. ВЫ ИЩЕТЕ ТОГО, КТО СБЕЖАЛ ИЗ ГЕЛИОСА. НО БОЯТСЯ ОНИ НЕ ЕГО».

— Тогда кого?

«ТОГО, КТО ОСТАЛСЯ ВНУТРИ».

— София... — тихо сказала Эмма. — Мне кажется, я начинаю понимать, почему все сходят с ума при слове «Гелиос».

София не ответила — думала о том же. Она открыла видео, последний и самый защищённый файл. Дата: 18 октября, 20 лет назад. Камера наблюдения, лаборатория, люди в белых халатах, плохое качество записи. Через несколько секунд в кадре появился мужчина — высокий, тёмные волосы, усталое лицо.

— Майкл Хейл.

— Отец Маркуса?

— Да.

Он выглядел напряжённым, постоянно оглядывался. Потом камера повернулась — в кадре появился ребёнок, тот самый, сидящий за столом спокойно и неподвижно, смотрящий прямо в объектив. По коже пробежали мурашки: слишком спокойно, слишком осознанно, слишком взрослый взгляд для его возраста.

Майкл подошёл, что-то сказал, ребёнок кивнул. Затем мальчик посмотрел прямо в камеру, будто видел человека по другую сторону записи, будто знал, что через двадцать лет кто-то будет её смотреть — и улыбнулся, очень слегка. Экран мгновенно покрылся помехами.

Изображение задрожало, звук захрипел, кадр начал рассыпаться — а когда восстановился, лаборатория уже была другой: люди бегали, кричали, сработала сигнализация, красные огни мигали по всему помещению. Та самая ночь. Ночь Гелиоса.

На заднем плане, на долю секунды, Майкл разговаривал ещё с одним человеком. София поставила запись на паузу, увеличила изображение — и сердце забило быстрее: она узнала его без сомнений.

— Нет... Эмма, здесь Чарльз Уитмор.

— Это невозможно. Он погиб пятнадцать лет назад.

— Да. Но рядом с ним стоит ещё один человек.

— Кто?

Руки похолодели — она узнала и второго.

— Ричард Кейн.

До неё дошло: все трое, Хейл, Уитмор, Кейн, находились в лаборатории в ту ночь — не как наблюдатели, не как чиновники. Они были частью происходящего с самого начала. И значит, лгали все эти годы.

Она заставила себя перестать доверять собственным глазам — слишком часто люди видят то, что хотят увидеть, — увеличила изображение ещё раз, пропустила через фильтры, убрала шумы, подняла контрастность. Через несколько минут лицо второго мужчины стало значительно чётче. Молодой Кейн. Без седины. Без морщин. Но Кейн — ошибки быть не могло.

— Подтвердилось?

— Да.

— Чёрт...

Двадцать лет они рассказывали одну историю — официальную, безопасную, удобную. Теперь она разваливалась, а под ней обнаруживалась другая. Настоящая. Гораздо более опасная.

Запись продолжалась — люди бегали, кто-то копировал данные. На одном из мониторов мелькнуло знакомое слово ZERO — кадр длился меньше секунды, но она успела остановить видео. Верхняя часть экрана: ZERO PROTOCOL — STAGE 1.

— Эмма, мне это не нравится. Если существует первая стадия...

— То существуют и другие.

До этого момента Нулевой протокол выглядел как аварийный план. Теперь начинал напоминать полноценную многоступенчатую программу, подготовленную заранее, очень давно.

София прокрутила запись дальше и заметила новую деталь: в дальнем углу лаборатории — стеклянная стена, за ней отдельное почти пустое помещение. А внутри — ещё один ребёнок. Она резко остановила видео.

— Нет... Здесь двое.

— Что?

— Двое детей. Абсолютно уверена.

Первый мальчик сидел рядом с Майклом, второй оставался в тени за стеклом — почти невидимый. Но теперь ошибки не было. Два ребёнка, не один. Вся история строилась вокруг одного субъекта — а на записи их оказалось двое.

— Возможно, мы задавали неправильные вопросы. Все пытаются понять, кто такой Первый субъект. Но никто не спрашивает о Втором.

Долгая тяжёлая тишина.

— Господи... — тихо произнесла Эмма. — Именно. Если Первый существовал, если ради него построили Гелиос, если для него создали Нулевой протокол — тогда зачем понадобился второй ребёнок? И почему о нём нигде не упоминалось?

София открыла журнал кадров, чтобы искать дальше — но видео вдруг остановилось само, без команды. Экран потемнел, и появилась новая строка, красная, яркая, тревожная: «УДАЛЕНИЕ ЗАПУЩЕНО».

— Нет-нет-нет...

Файл начал исчезать на глазах — сначала звук, потом изображение, потом целые фрагменты. Кто-то снова добрался до архива, на этот раз гораздо быстрее.

— Сохраняй!

— Уже!

Она запустила копирование одновременно на несколько носителей, но удаление распространялось как пожар. Сектор за сектором.

— Проклятье! Сколько успела сохранить?

— Не знаю!

Среди системных ошибок она заметила странность: удалялись не все данные, часть файлов оставалась нетронутой — будто их кто-то специально защищал. Всего четыре документа: один текстовый, три изображения. Больше ничего.

Первый документ — одна страница, без объяснений, без подписи. Список целей. Напротив каждой фамилии — статус. Большинство помечено словом «ЛИКВИДИРОВАН». Она пролистала до конца, до трёх незачёркнутых записей.

МАРКУС ХЕЙЛ — НЕ ЗАВЕРШЕНО.

ЛУКАС ВЕЙН — НЕ ЗАВЕРШЕНО.

NULL — НЕ ОБНАРУЖЕН.

Внизу документа появилась новая строка, которой раньше точно не было — возникшая прямо сейчас, на её глазах: «ПЕРЕЙДИТЕ К ПОСЛЕДНЕМУ ИЗОБРАЖЕНИЮ».

Они обе замолчали — кто-то снова разговаривал с ними, и хотел, чтобы они увидели нечто важное. Любой специалист по безопасности знает: если неизвестный настойчиво просит открыть конкретный файл, открывать не следует. Никогда. Но обычная ситуация закончилась несколько дней назад — вместе с первым упоминанием ZERO.

— Открывай, — сказала Эмма так спокойно, будто речь шла о фотографии котёнка.

Первое изображение — старое здание, военный объект, дата на обороте: двадцать два года назад. Второе — план комплекса, подземные уровни, тоннели, аварийные выходы, а на схеме — не только Гелиос, но и ещё несколько объектов, разбросанных по стране.

— Это сеть. Гелиос был не единственным объектом.

Третье изображение загружалось медленно, экран оставался чёрным несколько секунд. Обычная фотография — группа людей у озера, солнечный день, пикник, улыбки. Настолько обычная, что именно это выглядело странным.

Она начала рассматривать лица. Майкл Хейл. Молодой Ричард Кейн. Чарльз Уитмор. Несколько неизвестных. И два ребёнка, смотревших прямо в объектив. Первого она уже видела — мальчик из лаборатории. Второй тоже — тот самый из-за стекла, теперь видимый полностью, без теней.

Она приблизила лицо второго мальчика максимально.

— Нет... Это невозможно.

— Да скажи наконец! — Эмма начинала злиться.

— Я знаю его. — Она не могла заставить себя произнести имя сразу, потому что после этого всё менялось. — Лукас Вейн.

Тишина такая глубокая, что София проверила, не оборвалась ли связь.

— Нет, — сказала наконец Эмма.

— Да. Посмотри сама.

Она отправила изображение. Эмма открыла, увеличила и надолго замолчала — на фотографии был Лукас, младше, намного младше, но это был он. Те же глаза, те же черты.

— Господи...

— Именно.

— Он был в Гелиосе. С самого начала.

— Да.

Слишком многое становилось понятным: почему Лукас знал фамилию сестры Маркуса, задавал вопросы о цели задания, не убил Маркуса, появился в документах, которые кто-то пытался уничтожить.

София заметила ещё одну деталь — подпись от руки на обороте, старым выцветшим почерком, который она узнала по архивам: почерк Майкла Хейла. «Проект закрыт. Оба ребёнка должны быть вывезены немедленно».

Она перечитала фразу несколько раз. Два слова особенно цепляли взгляд: «оба ребёнка». Не один. Два. И вдруг всё начало складываться — Гелиос, два ребёнка, Нулевой протокол, Лукас, Маркус, список ликвидации, NULL, Первый субъект. Слишком много пересечений.

На экране поверх изображения появилась новая строка: «ВЫ ВСЁ ЕЩЁ НЕ ПОНИМАЕТЕ».

— Тогда объясни, — напечатала она.

Реакция последовала мгновенно: «МАРКУС ХЕЙЛ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ЦЕЛЬЮ». Сердце пропустило удар — Эмма прочитала одновременно с ней.

— Что это значит?

«ЛУКАС ВЕЙН НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ЦЕЛЬЮ». А затем третья строка, перевернувшая всю картину: «ИХ ПЫТАЮТСЯ СОБРАТЬ ВМЕСТЕ».

В комнате стало тихо. Убийцы обычно устраняют свидетелей, заговорщики устраняют угрозы — но кто-то в этой истории действовал иначе. Не охотился на Маркуса и Лукаса. Медленно толкал их навстречу друг другу. Вопрос был один: что произойдёт, когда они наконец встретятся?

— Мне это совершенно не нравится, — глухо сказала Эмма.

— Мне тоже. Потому что это объясняет слишком многое.

В голове стремительно выстраивалась новая картина: Лукас получает приказ устранить Маркуса, но не выполняет его; Маркус постоянно оказывается на волосок от смерти, но каждый раз выживает; NULL вмешивается именно тогда, когда становится критично; неизвестные группы появляются вокруг них словно по расписанию.

— Нас используют. Обоих.

— Думаю, гораздо больше людей, чем только их.

Её внимание привлекла ещё одна деталь на фотографии у озера — на заднем плане, частично скрытый деревьями, размытый мужчина. Не смотревший на детей, не разговаривавший с сотрудниками. Только наблюдавший. За всей группой.

— Здесь есть ещё один человек.

Она запустила алгоритм восстановления — лицо стало чуть отчётливее. Мужчина оказался удивительно молод: лет двадцать пять, не больше. Странными были его глаза — он смотрел прямо в объектив, словно знал, что фотографируют именно его, словно хотел остаться на этом снимке.

— Эмма, я отправляю тебе фрагмент.

Через несколько секунд:

— Я его уже видела.

— Где?

— Не знаю. Именно поэтому мне страшно.

Не лицо — взгляд. София уже встречала его раньше, совсем недавно, где-то в материалах архива. Пальцы быстро задвигались по клавиатуре — фотография, документы, журнал лаборатории, кадры видео, страница за страницей. Наконец она нашла: старый медицинский отчёт без фамилии, только код объекта и чёрно-белая фотография плохого качества — но глаза те же. Точно те же.

— Нашла. Это он.

Заголовок документа состоял всего из двух слов, и впервые за всё расследование её руки действительно задрожали.

ПЕРВЫЙ СУБЪЕКТ.

— Подожди, — сказала Эмма после долгой тяжёлой тишины. — Ты хочешь сказать... мужчина на фотографии... и Первый субъект... один и тот же человек?

София смотрела на даты, на расчёты возраста, на архивные отметки — и чем дольше смотрела, тем меньше понимала, потому что математика переставала работать. Если доку-

менты не подделаны, если фотографии настоящие — человек на снимке у озера должен был выглядеть значительно старше. Но не выглядел. Совсем.

— Эмма, у нас новая проблема.

— Только одна?

— Пока да. Если это Первый субъект, то за последние двадцать лет он почти не постарел. Долгое молчание, потом тихий выдох:

— Господи... Именно. Теперь становится понятно, почему люди готовы были убивать ради этих архивов. Почему исчезали свидетели. Почему уничтожались данные. Почему Кейн выглядел испуганным. Почему Уитмор инсценировал собственную смерть.

Прежде чем они успели обсудить эту мысль, на экране снова появилось сообщение — одно слово, без объяснений: «БЕГИТЕ».

— Очень смешно, — сказала София вслух.

И в тот же момент внизу экрана вспыхнуло системное уведомление — не из сети, не из архива, а от системы безопасности её собственного дома: «ОБНАРУЖЕНО НЕСАНКЦИОНИРОВАННОЕ ПРОНИКНОВЕНИЕ».

Она медленно повернула голову к двери кабинета. Тонкая полоска света под ней. Неподвижная ручка. Тишина. Особенно тишина — профессионалы шумят меньше любителей, а самые опасные вообще не шумят.

— София? — голос Эммы прозвучал далеко.

— Кажется, ко мне пришли гости.

— Настоящие?

— К сожалению.

Она сняла очки, закрыла окна архивов — не потому что это могло помочь, просто привычка заканчивать работу аккуратно даже в плохие дни. Погасила два монитора, оставила только центральный, на котором всё ещё светилось слово БЕГИТЕ. Кто бы ни писал эти сообщения, он предупреждал уже второй раз — сначала Маркуса, теперь её. Случайностью это быть не могло.

Щелчок — ближе. Кто-то открыл дверь в коридор, медленно, без страха быть услышанным. Он знал, что она дома, и знал, где искать. Она открыла схему дома на планшете — две камеры ещё работали, остальные отключены минуту назад, очень профессионально. На экране появился силуэт: высокий мужчина, тёмная одежда, перчатки, лицо не видно. Двигался спокойно, будто уже бывал здесь.

— Покажи, — попросила Эмма, получив изображение, и резко вдохнула. — Это не обычный наёмник. Посмотри на походку.

София узнала эти движения — со служебных записей, тренировочных материалов, старых архивов спецподразделений. Так двигаются люди, обученные работать внутри зданий. Тихо. Быстро. Эффективно.

— Спецподготовка.

— Отлично.

Мужчина приближался. Комната в конце коридора — ещё несколько секунд, и он окажется у двери. Она открыла нижний ящик стола, достала небольшой, редко используемый, но исправный пистолет.

— Ты умеешь?

— Достаточно, чтобы испортить кому-нибудь вечер.

На камере фигура остановилась прямо перед кабинетом, замерла, будто прислушиваясь. Ручка двери медленно повернулась — сантиметр, два, три. Дверь приоткрылась, потом толчок распахнул её. София подняла оружие, приготовилась стрелять — и палец замер на спусковом крючке, потому что человек за дверью оказался не тем, кого она ожидала.

Он стоял неподвижно, не целясь, не атакуя, просто смотрел на неё несколько секунд.

— Опустит пистолет.

Холод пробежал по спине — она узнала голос, хотя слышала его лишь однажды, на старой видеозаписи из архива Гелиоса двадцатилетней давности. Невозможно. Но ошибки быть не могло. Перед ней стоял человек, которого все считали мёртвым. Чарльз Уитмор. Живой. Настоящий. И выглядевший пугающе моложе своих лет.

— Это невозможно.

— В последнее время вы слишком часто произносите эту фразу, — едва заметно усмехнулся он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.